

*На правах рукописи*

Хотко Самир Хамидович

ГЕНЕЗИС АДЫГСКОГО (ЧЕРКЕССКОГО) ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО  
ПРОСТРАНСТВА В XIII–XVI ВВ.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ  
ИССЛЕДОВАНИЯ

07.00.02 Отечественная история

Автореферат  
диссертации на соискание ученой степени  
доктора исторических наук

Майкоп – 2017

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»  
на кафедре отечественной истории, историографии, теории и методологии истории

**Научный консультант:** доктор исторических наук, профессор  
**Шеуджен Эмилия Аюбовна**

**Официальные оппоненты:** **Анчабадзе Юрий Дмитриевич**  
доктор исторических наук,  
ФГБУН Институт этнологии и антропологии  
Российской академии наук, ведущий научный  
сотрудник отдела Кавказа (г. Москва)

**Зеленев Евгений Ильич**  
доктор исторических наук, профессор,  
НИУ «Высшая школа экономики», руководитель  
Департамента востоковедения и африканистики,  
директор Центра азиатских и африканских исследований  
(г. Санкт-Петербург)

**Кузьминов Петр Абрамович**  
доктор исторических наук, доцент,  
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный  
университет имени Х.М. Бербекова», профессор кафедры  
истории России (г. Нальчик)

**Ведущая организация:** Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (г. Нальчик)

Защита состоится «17» ноября 2017 г. в 12<sup>00</sup> на заседании диссертационного совета Д 999.148.03 по историческим наукам на базе ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Жуковского, 15, конференц-зал (ауд. 213).

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» [www.adygnet.ru](http://www.adygnet.ru). Текст автореферата также размещен на сайтах ВАК РФ <http://vak.ed.gov.ru>; ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» [www.agpu.net](http://www.agpu.net); ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева» <http://kchgu.ru>

Автореферат разослан «    » октября 2017 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета



Шхачемуков Рустам Махмудович

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность темы исследования.** Исторический опыт генезиса адыгского этнополитического пространства на протяжении XIII–XVI вв. как целостного в культурном и этническом отношениях процесса еще не стал предметом специального изучения. В то время как современные тенденции развития исторической науки требуют исторически ориентированного, системного уровня осмысления данной проблемы. История конкретных этносов убедительно свидетельствует, что не существует однотипной модели этногенеза, учитывая сложность и неоднозначность происходивших процессов. В этом смысле адыги (черкесы), как один из многочисленных народов Северного Кавказа, представляют оригинальную систему этнополитического развития (многовариантные связи с другими народами, формы контактности, интерактивные зоны и т.п.).

Значимые аспекты актуальности связаны с необходимостью рассмотрения специфики регионального исторического процесса как составляющей части цивилизационного развития обширного региона Кавказа и Юга России, что потребовало изучения взаимообусловленных проблем: феодального строя Черкесии; процесса формирования и обособления крупных феодальных владений (княжеств); интеграции Черкесии в систему международных отношений в бассейне Черного моря, отношений с Золотой Ордой, италийскими торговыми республиками (Генуей и Венецией), постзолотоордынскими государствами, Османской империей, Русским централизованным государством; развития внутренних и внешних хозяйственных связей; культуры жизнеобеспечения; влияния природных, климатических и ландшафтных факторов.

Данная диссертационная работа имеет и историографическую значимость: это первое специальное исследование процесса формирования адыгского этнополитического пространства XIII–XVI вв.

**Несмотря на существующий интерес к данной проблеме, в рамках традиционных подходов за пределами исследовательского внимания оказались такие вопросы как:** формирование государственных институтов, особенности формирования адыгских княжеств, политико-дипломатические отношения с соседними государствами. Более того, круг проблем, связанных с изучением позднесредневековой истории адыгов, отличается различным уровнем осмысления и находится на разных стадиях разработки. Отсутствие историографической традиции рассмотрения адыгской истории в плане единого в политическом отношении пространства привело к тому, что целостная система научных представлений по истории адыгов этого времени так и не сложилась.

Обращение к данной проблеме имеет прагматическое значение: исследование темы способствует формированию более высокого уровня исторического сознания, пониманию смысла и значения опыта этнополитических контактов народов, истоки которых уходят в отдаленные века, что чрезвычайно важно для полиэтнической и поликонфессиональной России.

**Степень изученности проблемы.** Исходя из значимости проблемы и широкого круга исследований по отдельным вопросам, отражающим различные аспекты процесса генезиса адыгского этнополитического пространства на

протяжении XIII–XVI вв., обзор имеющихся историографических источников представлен в специальном разделе первой главы.

Систематизация выявленного историографического материала потребовала периодизации, позволяющей проанализировать историографические факты, осмыслить их «вписанность» в культурную и интеллектуальную среду конкретного исторического времени и пространства. В основе анализа привлеченного историографического материала лежат идеи известных российских и зарубежных историков<sup>1</sup>.

Первый период – XVIII – начало XX вв., когда кавказоведение делало первые шаги в направлении выработки научной концепции истории Кавказа и его отдельных регионов, в том числе Северо-Западного Кавказа. Второй период – 20-80-е гг. XX в. – время утверждения марксистской методологии, развития историографии советского периода, стимулирования исследовательского процесса политикой культурного строительства в национальных регионах нашей страны. Третий период – современный, с 90-х гг. XX в. до наших дней, связанный с модернизацией исторической науки, первым опытом комплексного изучения древней и средневековой истории адыгов, возросшим теоретико-методологическим уровнем, дискусионностью связующих проблем.

**Объектом диссертационного исследования** является история Северо-Западного и Центрального Кавказа, отражающая сложные трансформационные процессы исторического развития адыгов.

**Предметом исследования** является генезис адыгского этнополитического пространства в XIII–XVI вв., основные этнополитические факторы взаимодействия с народами и государствами черноморского региона.

**Географические границы исследования** носят условный, этнически ориентированный характер и включают пространство Северо-Западного и Центрального Кавказа с прилегающими равнинными территориями. Наряду с основным ареалом распространения культурного и военно-политического влияния Черкесии, в диссертации рассматриваются вопросы черкесского присутствия в Крыме, мамлюкском Египте, Османской империи, Русском государстве.

**Хронологические рамки исследования** определены внешними цивилизационными критериями и внутренним содержанием процесса формирования адыгского этнополитического пространства. Нижняя хронологическая граница (XIII в.) обусловлена коренным изменением геополитической ситуации в регионе Восточной Европы и Кавказа, вызванным монгольской экспансией и началом длительного ордынского этапа в истории Черкесии. Верхняя хронологическая граница диссертации определена концом XVI в. – временем наивысшего военно-политического влияния крупнейших держав региона и завершением процесса формирования внутривосточной структуры Черкесии.

**Цель и задачи исследования.** Целью данной диссертационной работы является исследование исторического опыта генезиса адыгского

---

<sup>1</sup> Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М. 1980; Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб., 2007; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

этнополитического пространства (XIII–XVI вв.) в его культурном и этническом измерениях, а также во взаимосвязи с культурно-историческими ареалами Кавказа и Юга России.

Реализация обозначенной цели предполагает выполнение следующих исследовательских задач:

- обосновать теоретико-методологические подходы к исследованию проблем генезиса адыгского этнополитического пространства;
- провести систематизацию выявленных историографических источников и определить аналитический уровень исследования узловых проблем;
- систематизировать источники с учетом существующей типологии и определить уровни информационной значимости конкретных видов источников;
- выявить общие тенденции процесса образования и основные этапы развития черкесских феодальных владений;
- изучить воздействие природных и культурно-исторических факторов на интеграцию этнополитического пространства Черкесии;
- определить характер и основные этапы взаимодействия адыгов с тюркскими кочевыми государствами;
- показать характер и масштаб политических, военных, культурных и демографических контактов Черкесии со странами Восточной Европы и Ближнего Востока;
- выявить степень влияния Османской империи и Крымского ханства на процессы политогенеза в регионе Северного Кавказа;
- исследовать уровень военно-политических контактов черкесских княжеств с Русским централизованным государством.

**Источниковую базу исследования составили источники различной видовой принадлежности** (письменные, конвенциональные, археологические). Учитывая недостаточный уровень разработанности адыгской средневековой истории, обращение к источникам имеет фундаментальное значение. В задачу проведенного диссертационного исследования входило привлечение комплекса свидетельств, имеющих различное назначение, разнообразные формы и свойства. Особый смысл приобрело их описание в отдельном разделе диссертации, определение объема содержащейся в них научной информации, ее достоверности и значимости. Важно было учитывать время возникновения конкретных источников: созданы ли они современниками анализируемых событий или авторы описывают их с определенной исторической дистанции, с ретроспективной позиции. При всей дискуссионности в источниковедении методологических аспектов, бесспорным остается утверждение, что исторический источник многослоен по объему информации и способен играть решающую роль в развитии исторического знания.

При систематизации источников, учитывались подходы к общей классификации исторических источников, принятые в современном источниковедении (М.Н. Тихомиров, Л.Н. Пушкарев, С.О. Шмидт, О.М. Медушевская, И.Н. Данилевский)<sup>2</sup>.

---

<sup>2</sup> Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. Выпуск 1. С древнейшего времени до конца XVIII века. М., 1962; Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975; Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Вспомогательные

**Теоретико-методологическая основа диссертационной работы** синтезирована из идейного наследия В.О. Ключевского, Н.Я. Данилевского, А.С. Лаппо-Данилевского, П.Н. Савицкого, П.Н. Милюкова, А. Тойнби, Ф. Броделя, К. Ясперса<sup>3</sup>. Практическое значение приобрели работы Э.А. Шеуджен, А.Х. Борова, К.Ф. Дзамихова, в которых анализируются теоретические и методологические основы региональной истории<sup>4</sup>.

Обращение к исследованиям теоретического характера позволило проанализировать проблемы этнической истории адыгов на системном уровне, выделив как закономерности, так и особенности происходивших на протяжении веков исторически значимых изменений.

О необходимости преодоления местной изолированности исторического знания и требования постоянного сопоставления его с представлениями историков других стран в свое время писал В.О. Ключевский в отношении истории России: «историческая литература наша уединена от взора общеисторической науки»<sup>5</sup>. Эта мысль подчеркивалась А.Дж. Тойнби, который считал, что воспринимать

---

исторические дисциплины. Вып. 16. Л., 1985. С. 3–24; Медушевская О.М. Теория исторического познания: Избранные произведения / Сост. И.Л. Беленький. СПб., 2010; Данилевский И.Н. и др. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998.

<sup>3</sup> Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть I. М., 1904; Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VI: Специальные курсы. М., 1989; Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб., 1895; Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2006; Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997; Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 1: Земля, население, экономика, сословие, государство. М., 1993; Тойнби А. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова; Сост. А.П. Огурцов; Вступ. ст. В.И. Уколовой. М., 1996; Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч.1: Роль среды / Пер. с фр. М.А. Юсима. М., 2002; Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М., 1991.

<sup>4</sup> Шеуджен Э.А. Путь в историю: В поисках методологии исследования. Майкоп, 2007; Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М., Майкоп, 2010; Шеуджен Э.А. О «национальной историографии», «национальных историках», «своей» истории и «историописаниях» // Научная мысль Кавказа. 2012. № 2. С. 90–98; Шеуджен Э.А. Н.М. Карамзин о народах Северного Кавказа: контур исследовательских проблем. Майкоп, 2013; Шеуджен Э.А. Теоретико-методологические ориентиры исследований по истории Северного Кавказа // Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв.: материалы Международной научной конференции 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону, 2013. С. 14–28; Шеуджен Э.А. Северокавказская историография: границы и соотношение координирующих понятий // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1. С. 126–133; Шеуджен Э. Адыги (черкесы), XIX век: опыт применения историко-антропологического подхода. Москва – Майкоп, 2015; Боров А.Х. Осмысление культурно-исторической специфики Северного Кавказа в отечественном кавказоведении: научная традиция и современные поиски // Исторический вестник. Выпуск X. Часть I. Нальчик, 2012. С.3–38; Боров А.Х., Муратова Е.Г. Обобщающие труды и учебники по истории народов Северного Кавказа: методология исследования социокультурного пространства // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Социокультурное пространство современной России: вызовы XXI века» / Под ред. Н.Я. Павлюка. М., 2013. С. 122–127; Дзамихов К.Ф. Этнос в точке бифуркации: адыги между Россией, Крымом и Османской Турцией // Мир этноса: процессы самоорганизации социальных и этнических систем. Нальчик, 2005. С. 79–101; Карамурзов Б.С., Боров А.Х., Дзамихов К.Ф., Муратова Е.Г. Социокультурные механизмы северокавказского исторического процесса: древность – новое время // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3. С. 68–76; Дзамихов К.Ф. Исторические циклы и переходные периоды взаимодействия и социокультурного синтеза российско-северокавказского исторического процесса // Всеобщая история. 2015. № 2. С.54–62.

<sup>5</sup> Ключевский В.О. Сочинения... Т. VI. С. 5.

конкретные истории народов и государств возможно лишь «как голоса единого хора, которые имеют значение и смысл в общем строе гармонии, но теряют их, как только становятся набором отдельно звучащих нот»<sup>6</sup>.

Теоретическая значимость подобных идей потребовала их специального рассмотрения, что позволило создать более концептуальное исследование.

Методологическую основу диссертации составили современные представления о функциях, принципах и методах исторического исследования. Их комплексное применение позволило рассмотреть сложный процесс генезиса адыгского этнополитического пространства в его конкретно-исторической обусловленности, оценить степень разработанности основных проблем, повысить информационный уровень привлеченных источников, внести корректировки в сложившиеся научные представления, сформулировать основные концепциональные положения и теоретические обобщения.

Важным условием научного познания является следование *принципу объективности*, требующему реконструкции реальных исторических событий, в данном случае связанных с этнополитической историей Северо-Западного и Центрального Кавказа XIII–XVI вв., критического анализа источников, преодоления субъективности письменных источников и собственных представлений, учитывая движение исторического времени. Применение данного принципа ограничено спецификой предпринятого исследования (хронологическая удаленность, ограниченность письменных источников, недостаточность археологических сведений и т.п.). Однако историк, учитывая особенности исторической репрезентации, имеет возможность существенно увеличить степень объективности проводимого исследования.

Реализация принципа объективности невозможна без *принципа историзма*, имеющего универсальное значение и позволяющего рассматривать любое историческое явление (в нашем случае, Черкесия) в развитии: истоки, этапы формирования, факторы, обусловившие его возникновение. Данный принцип ориентирует исследователя на изучение проблемы с учетом того историко-культурного контекста, в котором она возникла и оценивалась современниками и потомками.

В последние годы особое внимание стало уделяться *принципу системно-структурного анализа*, ориентированного на выявление функциональной взаимосвязи сложных исторических явлений. В рамках заявленной концепции объект исследования (история Северо-Западного и Центрального Кавказа) предстает в виде системы с характерной структурой элементов. При этом предмет исследования представляет органичную часть объекта в его внутренних и внешних связях, формируя целостную картину развития этнической истории адыгов.

При изучении переломных периодов истории значимым представляется *ценностный принцип*, который заключается в выявлении ценностей, характерных для определенного этапа развития народов. Взгляды того или иного ученого органично вписаны не только в контекст конкретного научного направления, но и

---

<sup>6</sup> Тойнби А. Постигение... С. 23.

его общественно-политической позиции. Аксиоматичным является утверждение о неизбежности воздействия мировоззрения, культурных, этнических и иных пристрастий и предпочтений на предмет и результаты исследований. Это проявляется в селективном подборе фактов, риторике и суждениях автора, прямо или косвенно внушающих читателю определенную точку зрения, близкую автору в мировоззренческом плане (определение характера установившихся отношений с Русским государством, вопрос о «добровольном присоединения адыгов к России» и т.п.). Детальное и максимально приближенное к содержанию источников описание события (явления, процесса) с большой степенью гарантии исключает предмет исследования из сферы спекулятивных оценок.

Реализация цели и задач диссертационной работы с учетом конкретных условий и предмета исследования потребовала использования *системы методов*. Особое значение имело применение таких общенаучных методов как *анализ и синтез*. Анализ как логическая операция, входящая составной частью в научное исследование, позволил перейти от нерасчлененного описания изучаемого объекта к выявлению его состава, свойств, связей, с целью их всестороннего изучения.

Разделив объект изучения на составные части (этногенез, территориальный рост и связанный с ним процесс образования княжеств, кочевническое давление, влияние держав), выделив их в специальные главы и разделы, удалось осмыслить общее и особенное в процессе этногенеза адыгов. Общее состоит в том, что адыги, подобно другим народам Восточной Европы и Кавказа, переживали стадию развития феодальных отношений и культуры. Особенное наиболее ярко проявилось в сочетании факторов внешнего воздействия. Адыгское общество выработало уникальную стратегию сдерживания и адаптации кочевнического давления, позволяющую веками относительно немногочисленному оседлому земледельческому населению не только де-факто оставаться независимым пространством, но и стать значимым актором региональной политики. Синтезируя полученные результаты, объединив их в единое органическое целое, стало возможным понять характер, взаимозависимость происходивших исторических изменений, существенное общее, что связывает части в единое целое.

Не менее важны и такие общелогические исследовательские методы как *индукция* и *дедукция*, отражающие противоположный, взаимодополняющий ход мысли. Индукция (движение мысли от единичных фактов к их обобщению) позволила на основании систематизации накопленных знаний выработать теоретические обобщения и установить причинно-следственные связи. Именно благодаря этому методу были установлены причинные связи процесса территориального роста Черкесии в условиях монгольского господства с развитием феодального строя, системы жизнеобеспечения, природно-географическим фактором. Дедуктивные умозаключения (от общего к единичному) позволили с помощью рассуждений, обобщив уже имеющееся знание, придти к достоверному заключению по ряду дискуссионных вопросов, таких как этническая и субэтническая принадлежность княжества Кремук, характер политических и культурных контактов адыгского этнополитического пространства с генуэзской Каффой, Крымским ханством. В целом логические

методы позволяют понять суть явлений и событий, ставших предметом исследования.

При работе над диссертацией автор придерживался конвенционального набора *специально-исторических методов исследования*, получивших убедительное описание и разъяснение в трудах ведущих методологов<sup>7</sup>. Так, *историко-генетический метод* позволил выделить причинно-следственные связи и закономерности развития, дать, по возможности, полную картину того, как развивалось то, или иное явление. Более того, выйти на уровень создания новой периодизации средневековой истории Северо-Западного Кавказа, основанной на ряде объективных критериев: межкультурного взаимодействия (черкесы – Золотая Орда; черкесы – Османская империя, черкесы – Русское государство); внедрения культурных норм и технологий (отказ от кремаций, порох и огнестрельное оружие). При этом нельзя было не учитывать, что историко-генетический метод «тяготеет к описательности, фактографизму и эмпиризму»<sup>8</sup>, что потребовало максимального внимания к привлеченным источникам. Поиск причинно-следственных связей позволил превратить повествование в исследование.

При проведении исследования потребовалось обращение к *ретроспективному* методу, позволяющему использовать данные источников, выходящих за хронологические границы проведенного исследования. Так, учитывая, что культура адыгов отличалась высокой степенью консерватизма и приверженности традициям, при написании диссертации были привлечены источники XVII – первой половины XIX вв. для коррекции вырабатываемых представлений о состоянии социальных, политических и культурных институтов адыгов XIII–XVI вв. При этом, важно было не поддаваться соблазну механистического переноса более близкой к исследователю реальности на изучаемую им отдаленную историческую эпоху.

Особое значение имело широкое использование *историко-сравнительного* метода, позволяющего сопоставлять свойства изучаемого объекта во времени и в пространстве, выходить за территориальные и хронологические границы исследования и на основе аналогий приходить к широким историческим обобщениям. Сравнение, например, процесса формирования двух или нескольких раннефеодальных государств, расположенных в одном цивилизационном пространстве, позволило лучше понять закономерности процесса складывания раннего государства у группы этносов, сформировавшихся в схожих условиях и испытывавших примерно одинаковое внешнее воздействие. Но правомерны и сравнения между разными культурно-историческими общностями. Такое сравнение направлено на выявление самых общих закономерностей в развитии политического пространства или в реакции на схожие природные и политические вызовы.

При работе над диссертацией были привлечены многочисленные археологические источники, что поставило перед автором задачу выработки

---

<sup>7</sup> Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М., 2003; Селунская Н.Б. Проблемы методологии истории. М., 2003; Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2008.

<sup>8</sup> Ковальченко И.Д. Указ. соч. С. 155.

корректного подхода для сопоставления данных археологии с другими свидетельствами. Использование данных археологии особенно важно для реконструкции истории этногенеза в таком регионе как Северный Кавказ, поскольку при изучении Средневековья, особенно раннего, ощущается острый недостаток письменных данных. Важно было учесть как можно большую массу фактов, непротиворечивая интерпретация которых и обусловила основные версии, объясняющие исторические явления и процессы.

Качественная историческая интерпретация археологических фактов подразумевает сопоставление их с данными этнографии. В случае с памятниками адыгского ареала, это императивное требование, поскольку любое неадыгское население, достаточно длительное время проживавшее среди средневековых адыгов или в непосредственной близости от них, являлось историческим актором процесса адыгского этно- и политогенеза. Задача проведения подобных сопоставлений облегчается существованием этнографических описаний Черкесии в изучаемый период (И. Барбаро, Дж. Интериано и др.).

Эффективным инструментом для анализа проблемы генезиса адыгского этнополитического пространства стал *историко-системный* метод. Применение системного анализа позволило осознать базовую характеристику Черкесии как сложной этнополитической системы, обладающей интегративными качествами, системными свойствами. Историко-системный метод был особенно актуален при анализе политической истории Черкесии, внутреннее состояние которой очень долго оставалось неосвещенным в письменных источниках. В распоряжении исследователя есть по преимуществу только входные и выходные сигналы: например, военное давление на черкесскую систему со стороны Крымского ханства, результатом которого стал поиск союзника в Москве.

При всем имеющемся недостатке письменной базы истории Черкесии, ее анализ может носить вполне системный характер. Функциями черкесской системы являлись: защита земледельческого ареала Северо-Западного Кавказа; создание условий для развития системы жизнеобеспечения; осваивание схожих по природно-климатическим и почвенным условиям территорий за пределами исконной зоны обитания – правобережья Кубани, Кабарды. При этом важно было учитывать, что системный анализ допускает рассмотрение исторического объекта как системы не во всех его компонентах и проявлениях, исходя из того, что таковые неисчерпаемы: достаточным стало выделение основных компонентов. Историко-системный анализ применим не только к историческому объекту, но и к основным группам источников (типам, видам). В частности, система картографических данных имеет свои компоненты – топонимы и легенды, несущие содержательные свойства системы.

В целом, опыт проведенного исследования показал, что сочетание различных принципов и методов, позволяет описать и объяснить процесс этногенеза адыгов в Средние века, создает условия для решения конкретных исследовательских задач.

**Научная новизна диссертации** определяется системностью проведенного исследования, в основе которого лежит разработка теоретико-методологических, историографических и источниковедческих проблем, позволяющих достичь концептуального уровня репрезентации темы.

Проблемы, поставленные в работе и определившие ее структуру, впервые представлены как симбиоз проблем, что позволяет преодолеть фрагментарность существующих научных представлений, связанных с влиянием природно-географического фактора, взаимодействия с кочевыми государствами, вовлечения населения Северо-Западного Кавказа в средиземноморско-черноморскую работоторговлю, эволюции религиозных представлений.

Впервые при анализе генезиса адыгского этнополитического пространства сформирован комплекс источников, включающий исторические, археологические, этнографические, сопоставительный анализ которых позволил создать более аргументированную картину происходивших процессов (увеличение ареала расселения, складывание феодальных владений, усиление интеграционных явлений). Более того, удалось создать и опубликовать атлас географических карт XIV–XVI вв. и использовать картографические материалы для изучения политических и культурных контактов адыгского этнополитического пространства.

Интерес представляет существенно новое видение этнонимической традиции Северо-Западного Кавказа, ее глубокая укорененность в предшествующий период раннего средневековья, взаимосвязь с процессом политогенеза.

Концептуальное единство диссертационного исследования проявилось в создании внутренне непротиворечивой, взаимообусловленной картины развития адыгского этнополитического пространства, сформированной на основе опыта осмысления ряда проблем, находящихся на различных уровнях изучения. Что выводит данное исследование на качественно новый уровень осмысления темы.

Уровень проведенной репрезентации позволил осмыслить динамику развития исследовательских проблем, определить перспективы дальнейшего их изучения и необходимость совершенствования методов научного познания.

**Практическая значимость работы.** Результаты диссертационного исследования могут быть полезны в плане научно-практического применения: при создании обобщающих трудов по истории Северного Кавказа; написании вузовских и школьных пособий по истории Краснодарского края, Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Важная практическая плоскость реализации исследования связана с созданием документальных фильмов и циклов тематических передач по истории народов региона. Практическое применение видится также в плане создания качественной литературы для туристической индустрии, учитывая, что лишь небольшой процент издаваемых в регионе путеводителей может быть охарактеризован как адекватный современным кавказоведческим знаниям.

**Апробация работы. Основные положения диссертации** получили отражение в докладах и сообщениях автора на международных и российских научных форумах. Так, в 1997 г. автор диссертации участвовал в работе 35 конгресса ICANAS (Международного конгресса азиатских и североафриканских исследований) в Будапеште с докладом: «Аланы в мамлюкском Египте XIII–XV вв.». В 2004 г. участвовал в работе 37 конгресса ICANAS в Москве с докладом: «Военное отходничество адыгов в средние века и новое время». Автор представлял вниманию коллег предварительные итоги наблюдений по различным

проблемам средневековой истории Северного Кавказа и связям этого региона с Египтом, Сирией, Османской Турцией, Русским государством<sup>9</sup>.

Все основные положения диссертации изложены в серии статей, опубликованных в периодических изданиях, внесенных в список Всероссийской аттестационной комиссии. Наряду с данной серией по проблематике диссертации опубликован также ряд статей в реферируемых периодических изданиях. Большая часть положений, высказанных в диссертации, сформулирована автором в ряде монографических публикаций. Кроме того, исследовательское внимание автора сосредотачивалось на вопросах, не имеющих прямого отношения к проблематике данной диссертации, но, тем не менее, достаточно важных для создания целостной картины традиционной черкесской общности<sup>10</sup>.

**Структура диссертации.** Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, картографического приложения.

---

<sup>9</sup> Хотко С.Х. Культура черкесских мамлюков // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. Черкесск, 1993. С. 276–280; Хотко С.Х. К вопросу о типологии западнокавказских культур в античную эпоху // Нравы, традиции и обычаи народов Кавказа. Пятигорск, 1997. С. 157–160; Хотко С.Х. Имидж черкеса в книге бургундского путешественника первой половины XV века Берtrandона де ла Броквиера // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. Ростов-на-Дону, 1999. С. 70–77; Хотко С.Х. Черкесы в Османской империи XVI–XIX вв.: проблемы этнокультурного взаимодействия // III Конгресс этнографов и антропологов России. М., 1999. С. 282–283; Хотко С.Х. Опыт критического осмысления новой концепции этнической истории Северо-Западного Кавказа в хазарское время (VIII–X вв.) // Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы Международно-практической конференции (г. Нальчик, 16–20 октября 2013 г.). Ч. I. Нальчик, 2014. С. 181–189; Хотко С.Х. Черкесия и тюркские кочевые этносы: от конфронтации к взаимозависимости. Повторяющийся исторический сценарий // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / Отв. ред.: В.А. Тишков, А.В. Головнёв. – Москва; Екатеринбург, 2015. С. 300; Хотко С.Х. Султаны с чашами. Геральдика черкесских мамлюков // Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка: материалы Международной научно-практической конференции памяти М.И. Мижаяева (пос. Нижний Архыз, 26–28 ноября 2014 г.) / сост. М.М. Паштова. 2015. Нальчик, 2015. С. 354–365; Хотко С.Х. «Гетики» италийских документов XV в. и адыгское территориальное объединение Хытук: этнокультурная преемственность, отношения с Копой и Кремуком // Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX в: направления и динамика интеграционных процессов: материалы региональной научно-практической интернет-конференции (КБИГИ, Нальчик, 19–30 октября 2015 г.). Нальчик, 2015. С. 58–66; Khotko S.Kh. Communications of Circassia with the khan's house of Gerays, the XV–XVII centuries // Adige Filolojisi. Güncel Konular. Uluslararası Adige Filolojisi Sempozyumu 13–15 Mayıs, 2016. Düzce, 2016. P. 246–257.

<sup>10</sup> Джандар М.А., Ловпаче Н.Г., Хотко С.Х. Адыгейцы // Энциклопедия культур народов юга России. Т. I. Ростов-н/Д., 2005. С. 39–43; Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864–1914: в 2 т. / Составление, вступительная статья и примечания С.Х. Хотко. М., 2005; Хотко С.Х. Союз адыгов с Российским государством // Сокровища культуры Адыгеи. Серия «Наследие народов Российской Федерации». М., 2007. С. 10–17; Черкесская лошадь: коневодство и коннозаводство. Сборник источников / Составление, вступительная статья и комментарии С.Х. Хотко. Нальчик, 2008; Хотко С.Х. Крымско-кабардинское противостояние 1708–1724 годов // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века. Исследования и материалы. Нальчик, 2008. С. 281–293.

## КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

**Во введении** обосновывается актуальность проблемы диссертационного исследования, рассматриваются этапы историографического осмысления средневековой истории адыгов, определяются цели и задачи, объект и предмет, хронологические и географические границы исследования, анализируются методологические основы исследования, обосновывается его научная новизна, практическая значимость, а также излагаются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации диссертационной работы.

**В первой главе «Теоретико-методологические проблемы этнополитической истории позднесредневековой Черкесии»** рассматриваются основные теоретические идеи, обусловившие подходы к пониманию комплекса вопросов, дается обзор историографии в соответствии с периодами развития, систематизирована источниковая база в соответствии с существующей классификацией по типам и видам.

*Первый раздел «Теоретические проблемы этнополитической истории адыгов»* посвящен изложению теоретических основ проведенного исследования. В основании исследования лежит понимание значения так называемой местной истории и характера ее соотношения с всеобщей историей. Говоря о научном значении истории конкретного народа по отношению к общему историческому изучению человечества, В.О. Ключевский подчеркивал его двоякое значение: с одной стороны, оно определяется «энергией развития народа и в связи с этим степенью его влияния на другие народы, а через них на общее культурное движение человечества»; с другой стороны, отдельная история каждого народа важна «своеобразием своих явлений независимо от их культурного значения». В этом смысле научный интерес к истории того или другого народа определяется «количеством своеобразных местных сочетаний и вскрываемых ими свойств тех или иных элементов общежития»<sup>11</sup>.

Важнейший принцип изучения местной истории, истории этноса, истории государства – соотнесение собственных наблюдений и выводов с теми результатами, которые получены представителями иных историографических школ, а также с другими национальными историями, общим уровнем знания истории больших регионов (Кавказа, Восточной Европы). Важно отдавать отчет об условности исторического поля, очерчиваемого в целях проведения конкретного исторического исследования. «История каждой страны, – отмечает Э.А. Шеуджен, – не может в должной степени проясниться до тех пор, пока она не будет рассмотрена в сопоставлении с историями других национальных государств, как часть более широкого общества»<sup>12</sup>. Исходя из подобного понимания процесса познания истории, появляется возможность исследовать историю Черкесии в синтезе с теми результатами, которые дает изучение как близлежащего культурно-

---

<sup>11</sup> Ключевский В.О. Курс... С. 17–18.

<sup>12</sup> Шеуджен Э.А. Путь в историю... С. 113.

исторического пространства (Кавказ, Северное Причерноморье, Россия), так и мировой истории.

К пониманию особенностей развития этноса в условиях Северо-Западного Кавказа позволяет приблизиться теория «месторазвития» (П.Н. Савицкий, П.Н. Милюков)<sup>13</sup>. Северо-Западный Кавказ предстает одновременно перекрестком культур и центром формирования мощной этнической культуры, влияющей на «южнорусские» области<sup>14</sup>. Месторазвитие адыгского этноса определялось сочетанием ряда ландшафтных зон – гор, леса, бассейна Кубани<sup>15</sup>. Демографическая емкость закубанского нагорного ландшафта была неизмеримо более высокой, чем у ущелий Центрального Кавказа, малопригодных для земледелия и садоводства. Во времена затяжных военных кампаний и кочевой угрозы, черкесское население имело возможность длительного расселения в глубинных районах Закубанья.

Исследование проблем генезиса этнополитического пространства черкесов в XIII–XVI вв. показывает со всей очевидностью черты его изолированности, самобытности, сохранение древних социальных и культурных норм. В традиционном обществе, считал А.Дж. Тойнби, *мимесис* (подражание, воспроизведение) «обращен назад, на прошлое, правит обычай, и это общество остается статичным»<sup>16</sup>. Мимесис на адыгской или кавказской почве предполагает культ предков и воспроизводство той социальной и культурной модели, которая завещана сакрализованными предками.

Теоретико-методологическим инструментом для понимания этих сложных процессов в значительной степени стала концепция «вызов и ответ». При помощи этих категорий, символизирующих процесс развития путем преодоления кризиса, А.Дж. Тойнби объяснял движущие силы истории. Внутри этого общего исторического закона, он выделил пять типов стимулов: суровой страны, новой земли, удара, давления и ущемления. При этом, конкретные проявления вызова могут быть разнообразны: вызовы природной среды (связанные, в основном с освоением или расширением экологической ниши, стимулы новой земли) и вызовы социальной среды (социально-экономические кризисы, экспансия извне, культурные влияния)<sup>17</sup>.

Эти идеи обусловили репрезентацию генезиса черкесского этнополитического объединения, органично связанного с этнолитическими процессами в евразийском поясе степей. Этот фактор – непрерывный степной вызов – определял характер и интенсивность контактов черкесского пространства с государствами не только Степи, но и Восточной Европы.

*Второй раздел первой главы «Историография позднесредневековой истории адыгов».* Предпринятый в диссертации историографический обзор позволяет ответить на вопрос о степени изученности поставленной проблемы, раскрыть

---

<sup>13</sup> Савицкий П.Н. *Континент...* С. 283.

<sup>14</sup> Милюков П.Н. *Очерки...* Т. 1. С. 200–201.

<sup>15</sup> Козменко Г.Г., Немцев А.С., Трепет С.А. *Организация и функционирование особо охраняемых природных территорий.* Майкоп, 2000. С. 124.

<sup>16</sup> Тойнби А. *Исследование истории* / Пер. с англ. К.Я. Кожурина. М., 2010. С. 102.

<sup>17</sup> Там же. С. 140–141, 151–153, 160–181.

вклад отдельных авторов в изучение темы в целом и её отдельных аспектов. Анализ работ предшественников, осмысление их тематической направленности и характера привлеченных источников позволяет выявить динамику развития исторического знания, выделить переломные моменты, предложить периодизацию историографического процесса, наметить перспективы и задачи дальнейшего исследования.

В XVI – последней четверти XVIII вв. начали складываться первые представления о генезисе адыгского этнополитического пространства. Происходило накопление сведений об истории Черкесии: в оборот вводились нарративные источники, анализировались античные труды, сопоставлялись отдельные фрагментарные данные из византийских, арабо-мусульманских и русских хроник. Качественно новый этап в осмыслении черкесской истории связан с именем И.Э. Тунманна (1746–1778). Его монография о Крымском ханстве, содержащая обстоятельный раздел о черкесах, вошла в научный сборник, известный как «Землеписание Бюшинга».<sup>18</sup> Благодаря И.Э. Тунманну наметились подходы к вопросу формирования адыгского этнополитического пространства<sup>19</sup>.

Значимым этапом в осмыслении проблем этнической истории адыгов стал период последней четверти XVIII в. – первой половины XIX в. По мере установления военно-политического господства Российской империи в регионе и вхождения Северного Кавказа в ее состав, появилась задача государственного значения: изучить историю местных этносов, адекватно отобразив их демографическое, социально-экономическое и культурное состояние. В формировании представлений об этнополитической истории Черкесии приняли участие авторы адыгского происхождения. С. Хан-Гирей выступил с серией очерков, основанных на нарративных источниках османо-крымского происхождения, собственно адыгских исторических преданиях и песнях<sup>20</sup>. Научное и писательское наследие С. Хан-Гирея имеет важное значение для проблематики позднесредневековой истории Черкесии, происхождения княжеских династий, генезиса субэтнических подразделений, прояснения адыгской географической номенклатуры Северо-Западного и Центрального Кавказа.

Не менее значима «История адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова<sup>21</sup>. Несмотря на критичное восприятие приводимых им сведений, эта работа остается весьма важным историографическим опытом и, во многих аспектах, источником истории адыгского средневековья. Вполне реалистичным является описание Ш. Ногмовым таких проблем как деятельность князя Инала, генезис черкесских феодальных

---

<sup>18</sup> Die Taurische Statthalterschaft oder die Krim // Büsching A.F. Erdbeschreibung. Т. 1. Hamburg, 1787. P. 1185–1283.

<sup>19</sup> Тунманн. Крымское ханство / Перевод с немецкого издания 1784 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Беляевой. Примечания, предисловие и приложения Н.Л. Эрнста. Симферополь, 1936. С. 63.

<sup>20</sup> Главный историко-этнографический труд этого выдающегося интеллектуала – «Записки о Черкесии» был представлен вниманию императора Николая I, после чего публикация его была запрещена. Первое издание было осуществлено только в 1978 г.: Хан-Гирей. Записки о Черкесии / Вступительная статья и подготовка текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. Нальчик, 1978.

<sup>21</sup> Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Составленная по преданиям кабардинцев / Вступительная статья и подготовка текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 1994.

владений, включение абазинских земель в состав Черкесии, борьба с Крымским ханством.

Значимый историографический опыт представляет монография В.Д. Смирнова, посвященная истории Крымского ханства. В сфере исследовательского внимания автора оказались не только военные конфликты черкесских княжеств с ханством и отношения вассальной зависимости, но и матримониальные, аталыческие связи, побег Гиреев в Черкесию, значение османского присутствия для крымско-черкесских отношений<sup>22</sup>. Проблема русско-черкесских отношений в этот период прошла путь от фрагментарного освещения в обобщающих трудах по русской истории<sup>23</sup>, до весьма детального анализа в работе С.А. Белокурова<sup>24</sup>.

В целом, в данный период, отдельные вопросы формирования адыгского этнополитического пространства начали привлекать устойчивое внимание исследователей. Однако в границах данной хронологии можно говорить только о складывании самой общей картины научной адыгской (черкесской) истории, в создании которой участвовали европейские и российские исследователи и путешественники, оставившие значительный историографический нарратив.

Новый период осмысления позднесредневековой истории адыгов, как самостоятельного, структурированного научного направления, связан с развитием историографии советского времени, своеобразного научного феномена XX в. В связи с государственной политикой в области изучения историко-культурного наследия народов Советского Союза, а также с общим развитием гуманитарного знания произошел принципиально значимый «прорыв»: планомерно создавались кадры профессиональных историков, открывались новые научно-исследовательские центры, издавались сотни монографий и статей, систематически проводились научные конференции (всесоюзные, всероссийские, региональные). Наряду с этим, усиливалось политическое «давление», исследовательской практикой становилась жесткая подчиненность марксистско-ленинской методологии. При этом важно отметить, что изучение проблем древней и средневековой истории в меньшей степени попадало под идеологический контроль.

В постсоветский период не только продолжилось исследование проблем, которые были обозначены в предшествующие периоды, но и актуализировались многие вопросы этнической и политической истории адыгов. Впервые был четко обозначен круг источников (археологических, письменных, устных), что не могло не повлиять на научный уровень проводимых исследований. Одной из наиболее важных проблем является объединение творческих усилий, направленных на разработку вопросов, способных принципиальным образом повлиять на структуру исторического знания, преодолеть «сведение» его к отдельным традиционно изучаемым событиям.

---

<sup>22</sup> Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

<sup>23</sup> Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VIII. СПб., 1819. С. 227.

<sup>24</sup> Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного архива министерства Иностранных дел С.А. Белокуровым. Вып. 1. 1578–1613 гг. М., 1889.

Таким образом, проблема генезиса адыгского этнополитического пространства имеет длительную традицию изучения. Тем не менее, учитывая определенную фрагментарность и непоследовательность, данная тема нуждается в системном исследовании.

*Третий параграф первой главы «Источниковая база исследования»* описывает письменные, конвенциональные и археологические источники. Письменные источники подразделяются, в свою очередь, на два вида: документальные и нарративные. *Документальные источники* относятся к двум основным группам: актовые материалы и дипломатические памятники. Актовые материалы представлены итальяскими нотариальными актами и русскими правительственными документами.

Русский актовый материал включает многочисленную группу опубликованных документов, содержащих информацию о контактах Черкесии с Русским государством на протяжении второй половины XVI–XVII вв.<sup>25</sup>. Значительный корпус сведений о пребывании черкесских князей на русской военной и административной службе, их сословном статусе и взаимоотношениях с русской аристократией содержится в Разрядных книгах<sup>26</sup>.

Значительную часть документальных свидетельств составила *группа дипломатических источников*, включающая сведения о международном положении Черкесии, отображающая характер и интенсивность ее внешнеполитических связей в период от середины XIV до конца XVI вв. В состав этой группы вошли документы разного происхождения и вида: письма (грамоты) правителей Русского государства, Крымского ханства, Османской Турции, Великого княжества Литовского; донесения властей Каффы в Геную<sup>27</sup>; ярлыки, данные золотоордынскими ханами Каффе и Тане<sup>28</sup>; сообщения (отписки) послов и инструкции (наказные памяти) послам; обобщающие отчеты о посольствах (статейные списки) русских послов, шертные записи (присяги); обращения (челобитные) к русскому царю черкесских князей; расспросные речи и доклады, составлявшие в Посольском приказе<sup>29</sup>.

В плане информационной отдачи важным видом письменных источников являются *летописные памятники* и близкие им по форме сочинения (арабо-

<sup>25</sup> Акты Московского государства, изданные императорской академией наук. Под ред. Н.А. Попова. Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890.

<sup>26</sup> Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. (По 1565 г.). М., 1901; Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962; Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подготовка текста, вводная статья и редакция В.И. Буганова. М., 1966; Разрядная книга 1559–1605 гг. / Сост. Л.Ф. Кузьмина. М., 1974; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. IV. Ч. I / Сост. Л.Ф. Кузьмина. М., 1994.

<sup>27</sup> ASLSP (Atti della Società Ligure di Storia Patria). Vol. IV. Fascicolo III. Genova, 1867; Vigna A. Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV). Tomo primo, ordinato ed illustrato dal socio p. A. Vigna // ASLSP. Vol. VI. Genova: Tipografia del R.I. de Sorto-muti, 1868; Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (1453–1475). Tomo secondo, ordinato ed illustrato dal socio p. A. Vigna // ASLSP. Vol. VII. Parte I. Genova, 1871; Parte II. Genova, 1879.

<sup>28</sup> Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб., 2002.

<sup>29</sup> Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Под ред. Т.Х. Кумыкова, Е.Н. Кушевой. Составители: Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов. Т. I: XVI–XVII вв. М., 1957. Далее — КРО.

мусульманского, византийского, османского, русского, грузинского происхождения). Значение этого вида источников состоит, прежде всего, в том, что они фиксируют большую часть дат и событий в истории черкесов, что позволяет не только наполнить повествование конкретными фактами, но и проследить логику развития исторического процесса, увидеть, как развивалось на протяжении трех столетий адыгское этнополитическое пространство, каким образом преодолевались военные вызовы.

Весьма важную группу источников составляют *энциклопедические трактаты*, традиция составления которых была заложена во времена Аббасидского халифата и получила значительное развитие в XIII–XVI вв. В сочинениях подобного вида содержатся значительные исторические и этнографические сведения, в том числе о народах Золотой Орды, Восточной Европы и Кавказа. К этому виду источников можно отнести и *жизнеописания* правителей: Тамерлана<sup>30</sup>, Сахиб-Гирея I<sup>31</sup>, Ислам-Гирея III<sup>32</sup>. Сочинение Реммал Ходжи «Тарих-и Сахиб Герей хан» или «История хана Сахиб Герей» является одним из наиболее ценных источников по истории не только крымско-черкесских отношений, но и, в целом, по истории Черкесии эпохи позднего средневековья и начала нового времени. Данный источник позволяет детально представить характер и масштабы военно-политического давления Османской империи и Крымского ханства на страну черкесов<sup>33</sup>. Сочинение Реммал Ходжи весьма ценно в плане исторической этнографии адыгов: в нем нашли отражение детали народного быта, связанные с системой жизнеобеспечения, жилищно-поселенческим комплексом и вооружением.

К письменным относятся и нарративные источники, представляющие изложение взаимосвязанных событий в контексте рассказа (повествования), нередко связанного с их интерпретацией. При анализе истории Черкесии XIII–XVI вв. к подобному виду источников могут быть отнесены *записки путешественников*. В условиях бесписьменной культуры информация, появившаяся как результат личного контактирования автора с населением описываемой территории, позволяет «заглянуть внутрь» черкесского пространства, получить, пусть и отрывочные, но весьма значимые исторические и этнографические сведения<sup>34</sup>.

---

<sup>30</sup> Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л., 1941. С. 104–138, 144–181. Далее — СМОИЗО.

<sup>31</sup> Tārīh-i Šāhib Giray Hān. Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551: édition critique, traduction, notes et glossaire. Dr. Özalp Gökbilgin. Ankara, 1973. Далее — TSGH.

<sup>32</sup> Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи. Книга походов / Пер. с османско-турецкого Кемаля Конгурат (К.А. Усеинова). Симферополь, 1998.

<sup>33</sup> TSGH. S. 124, 227–230, 256, 258–260.

<sup>34</sup> Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М., Л., 1940. С. 71–112; De facto Hungariae magnae a fratre Riccardo (Iuliano) invento tempore Gregorii papae noni // Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia maximam partem nondum edita ex tabulariis Vaticanis deprompta collecta ac serie chronologica disposita ab Augustino Theiner. Vol. I. Romae, 1859; Галонифонтибус И. де. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Из сочинения «Книга познания мира». Баку, 1980; «Libellus de Notitia Orbis» Ioannes' III. (De Galonifontibus?), O.P. Erzbischofs von Sulthanyeh, von dr. Anton Kern // Archivum Fratrum Praedicatorum. Vol. VIII. Roma, 1938. P.

Существенным для разработки проблемы стало собрание картографических памятников, многие из которых были систематизированы, прокомментированы и описаны автором данного диссертационного исследования<sup>35</sup>.

Учитывая характер исследуемой проблемы, к важному типу источников должны быть отнесены результаты изучения обширной группы археологических памятников Северо-Западного и Центрального Кавказа. Археологические памятники XIII–XVI вв. в ареале расселения адыгов представлены, в основном, могильниками и, в гораздо меньшей степени, поселениями. Их изучение началось в 80-е гг. XIX в. и приобрело особенно интенсивный характер в 50-е гг. XX в. В современный период, в результате многочисленных экспедиций, в научный оборот введен огромный массив данных.

В целом, комплекс привлеченных источников и их сопоставительный анализ позволил углубить истолкование и понимание процесса генезиса адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII–XVI вв. При этом автор пытался избежать фетишизации источников: они рассматривались как рабочий материал, анализ и критика которого стала базой для проведенного исследования.

**Глава вторая «Развитие адыгского этнополитического пространства, XIII–XVI вв.»** посвящена рассмотрению ряда базовых черт формирующейся адыгской общности.

*В первом параграфе «Эволюция этнонимической карты Северо-Западного Кавказа: генезис основных терминов как отражение исторического процесса»* подчеркивается, что в истории изучения этнонимии Северо-Западного Кавказа центральное место занимает вопрос об утверждении в источниках этнонима *черкес*

---

82–143; Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год / Перевел с немецкого и снабдил примечаниями Ф. Брун // Записки Императорского Новороссийского университета, Т. I. Одесса, 1867; Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. Л., 1971; *Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia, in India, et in Costantinopoli: con la descrizione particolare di città, luoghi, siti, costumi, et della porta del gran Turco: & di tutte le intrate, spese, & modo di governo suo, & della ultima impresa contra Portoghesi.* In Vinecia : Aldus, 1543; Волков И.В. Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473–1478 гг. (текст, перевод, комментарий) // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. Кишинев, 2015. С. 605–691; Interiano, Giorgio. *La vita, et sito de Zychi, chiamati Ciarcassi, Historia notabile, prima edizione, Aldo Manuzio, Venezia, 1502;* Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де-Люка, монаха доминиканского ордена (1625) / Пер. П. Юрченко // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XI. Одесса: Франко-Русская типография Л. Даникана, 1879. С. 473–493 (Далее — ЗООИД); Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли Д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634. Перевод Н. Пименова. Примечания А.Л. Бертъе-Делагарда // ЗООИД. Т. XXIV. Одесса, 1902. Отд. II. С. 89–180.

<sup>35</sup> Материалы по истории русской картографии / Под. ред. В.А. Кордта. Вып. I. Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев, 1899; Брун Ф. Восточный берег Черного моря по древним периплам и по компасовым картам // ЗООИД. Т. 9. Одесса, 1875. Отд. III. С. 410–428; Записка о новом перипле Понта Евксинского, равно как о древнейшей истории народов Тавриды, Кавказа и Скифии, составленная графом Иваном Потоцким // Археолого-нумизматический сборник, содержащий в себе сочинения и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерийского частно. Изданный Г. Спасским. М., 1850. С. 31–94; Francesco Balducci Pegolotti. *La Pratica della Mercatura.* Edited by Allan Evans. The Medieval Academy of America Publication, No. 24. Cambridge, Massachusetts, 1936; Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. М., 2011; Хотко С.Х. Открытие Черкесии. Картографические источники XIV–XIX вв. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2015.

и его взаимосвязи с этнонимом *зих*, использовавшимся с античной эпохи. Из всей массы известных данных становится очевидным факт появления этнонима *черкес* в XIII в. Монгольское вторжение привело к образованию единого пространства, в котором географические наименования, закрепленные в языке ханской канцелярии, получали повсеместное распространение и заимствовались соседями монгольской империи.

Вне зависимости от проблемы этимологии этнонима *черкес* и вполне вероятного немонгольского происхождения термина, необходимо было учитывать то обстоятельство, что Юань-чао би-ши («Сокровенное сказание монголов»), составленное в 1240 г. на монгольском языке в китайской иероглифической транскрипции, при описании завоеваний на западе, использует этноним сэркэсут (сэргэсут): *särkäsüt* (262), *särgäsüt* (270)<sup>36</sup>. П. Пеллио отмечал, что форма *särkäsüt* возникла как результат закономерного в тюркских и монгольских языках перехода *č*- в *s*-<sup>37</sup>.

Расположение Черкесии между двумя большими культурными мирами – Европой, с одной стороны, и миром евразийских кочевников, с другой стороны, способствовало закреплению двух внешних наименований адыгов – *зихи* и *черкесы* (*джаркасы*, *чаркасы*). Генуэзцы с конца XIII в. в официальных документах стали использовать термин черкес как аналог термина *зих*<sup>38</sup>.

Историко-сравнительный метод при анализе данных свидетельств позволяет утверждать, что этнонимия Черкесии в XIII–XVI вв. приобретает характер устоявшейся системы с четким обозначением этноса, а также занимаемой им территории и отдельных феодальных владений.

Во втором параграфе «Черкесские княжества XIII–XVI вв.: вопросы формирования и взаимосвязи с субэтническими группами» рассматривается ключевой вопрос этнополитической истории адыгов периода позднего средневековья: формирование феодальных владений (княжеств), хорошо известных по источникам XVI–XVII вв. В рамках данного параграфа рассмотрен вопрос о территории и локальном своеобразии группы исторических «прототипов» таких княжеств как Хатукай, Темиргой, Кабарда и некоторых других.

В XIV–XV вв. сложился ряд значительных черкесских княжеств, занявших большую часть предгорий Северного Кавказа от Керченского пролива на западе до Сунжи на востоке. Черкесские (кабардинские) курганные некрополи маркируют и значительное пространство на восток от Сунжи<sup>39</sup>. По мере того, как *зихским* (черкесским) феодалам удавалось увеличить свои совокупные владения, неизбежно нарастали тенденции к децентрализации некогда в большей степени унитарного пространства. В XIV–XV вв. в генуэзских и церковных (римских)

---

<sup>36</sup> Pelliot P. Histoire secrète des Mongols. Restitution du texte mongol et traduction des chapitres I à VI. Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, Paris, 1949. P. 108, 111.

<sup>37</sup> Pelliot P. Notes on Marco Polo. Ouvrage posthume publié sous les auspices de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres et avec le concours du Centre national de la Recherche scientifique. P., 1959. P. 608.

<sup>38</sup> Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. T.1: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289-1290. P., 1973. P. 93.

<sup>39</sup> Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М. Бамутский курганный могильник XIV–XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии / Под ред. Е.И. Крупнова. М., 1963. С. 240–242.

источниках есть упоминания о «князе Зихии» или «правителе Зихии», что можно расценить, как свидетельство функционирования института старшего князя<sup>40</sup>.

При анализе нарративных данных XV в. и их сопоставлении с данными XVI в. удалось реконструировать структуру адыгского этнополитического пространства. Таманский полуостров в XIII–XV вв. описывается как часть Зихии (Черкесии). Его географическая обособленность и высокая степень вовлеченности в международные экономические и политические отношения предопределили складывание сильного феодального владения<sup>41</sup>. В XIII–XV вв. главным торгово-промышленным и культурным центром Зихии являлась Матрега. В источниках этого периода население Таманского «острова» именуется зихами (черкесами). Но, наряду с этим, в генуэзской переписке XV в. в отношении населения «острова» достаточно часто использовалось племенное или территориальное название «гетики». Так, в 1472 г. Заккария де Гизольфи писал консулу Каффы, что задерживать должников «он никоим образом не может из-за близости князей и народа гетиков»; «quod fieri nullo modo potest propter vicinitatem dominorum et populorum geticorum»<sup>42</sup>.

Под гетиками, очевидно, имеются в виду зихи (черкесы). В адыгской этнонимике есть такое название как *хытук* «островитяне», которым определялось адыгское же население Таманского полуострова<sup>43</sup>. Лексема *хытыку* состоит из слов *хы* «море», *тыку* «местность», «кут»<sup>44</sup>. По этой же модели образован ряд топонимов: *Псейтук*, *Хаштук* и пр. В XVII–XVIII вв. калькой адыгского *хытук* являлось турецко-татарское *адале* «островитяне», при *ада* «остров»<sup>45</sup>. Основную часть «хытукцев» в XVIII в., по всей видимости, составляли хегаки (хэгъакIэ, хеххадчь у Хан-Гирея, шегаки у Челеби). В XVI–XVIII вв. территория расселения хегаков включала район Анапы и Таманский полуостров. В XIII–XV вв. во владения князей Хытука мог входить не только Таманский полуостров, но и сопредельные районы. Они обладали наибольшим политическим весом, поскольку Матрега являлась своего рода столицей Зихии, здесь же помещалась резиденция архиепископа.

Сектор Восточного Приазовья с центром в Копе занимало княжество, адыгское наименование которого остается неизвестным, но его логически можно определить как «княжество Копы»<sup>46</sup>. Вполне вероятно, что военно-политическое влияние «княжества Копы» распространялось на все восточное Приазовье.

---

<sup>40</sup> Bullarium Ordinis FF. [i.e. Fratrum] Prædicatorum : sub auspiciis SS. D.N.D. Benedicti XIII, pontificis maximi, ejusdem Ordinis / opera Reverendissimi Patris F. Thomæ Ripoll, magistri generalis ; editum, et ad autographam fidem recognitum, variis appendicibus, notis, dissertationibus, ac tractatu de consensu bullarum, illustratum a P.F. Antonino Bremonds ... Tomus Secundus. Ab Anno 1281 ad 1430. Romae, 1730. P. 197–198.

<sup>41</sup> De facto Hungariae magnae a fratre Riccardo (Iuliano)... P. 151–152.

<sup>42</sup> ASLSP. Vol. VII. P. 844.

<sup>43</sup> Хан-Гирей. Записки... С. 197.

<sup>44</sup> Толковый словарь адыгейского языка / Составители А.А. Хатанов, З.И. Керашева. Под ред. А.Н. Абрегова, Н.Т. Гишева. Майкоп, 2006. С. 406, 449. Далее – ТСАЯ.

<sup>45</sup> Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 110–111. Далее – АБКИЕА.

<sup>46</sup> Дзуганов Т.А. Черкесское княжество Копы в системе международных торговых отношений в XV в. // Древняя и средневековая культура адыгов. Ч. I. Нальчик, 2014. С. 48–49.

Предполагается, что на его основе возникло Жанеевское владение XVI в. В любом случае, столь сильное объединение как Жаней, доминировавшее на западе Черкесии, должно было иметь свой прототип в XV в.

Исходя из идеи прототипов или предшественников тех владений, которые хорошо известны в источниках XVI–XIX вв., удалось провести сопоставительный анализ барбаровских племен или княжеств: Кремук (Chremuch), Кипке (Chirpche, вар.: Chippiche), Татаркосия (Tatarcosia, вар.: Tetarcossa), Собаи (Sobai), Кевертеи (Cheverthei, вар.: Charbatri)<sup>47</sup>.

Большую часть Закубанья во времена Барбаро и Интериано занимало владение Кремук, которое возможно сопоставить с Темиргоем, основываясь на старом адыгском произношении Кемиргой (кеморхи и кумиргинцы русских источников). Происхождение темиргоевской династии Болотоковых отлично от кабардино-бесленевских Иналовичей, но также восходит к феодалу по имени Инал, который, по видимому, жил во времена ханов Токта и Узбека (1291–1341). С владением Болотоковых связана группа так называемых белореченских курганов, что надежно локализует центр Кремука в долине р. Белой<sup>48</sup>.

Прототипом Хатукаевского владения в XV в. было княжество Собай. Потомки князей Собаевых были известны как Собаепщхэр (дословно «Собайские князья»)<sup>49</sup>, признававшиеся вассалами (тлекотлешами) Болотоковых, разделивших свое владение в первой половине XVI в. на собственно Темиргой и Хатукай. Внутри Хатукая на протяжении трех с половиной веков сохранялось Собайское владение.

Историко-сравнительный анализ позволил также сопоставить барбаровский Татаркос с владением Тазартуковых (летописный Тарзатык 1552 г., тесть Девлет-Гирея)<sup>50</sup>, не княжеского, но весьма влиятельного феодального рода в Бесленее. При этом, род мог быть княжеским в XV в. и возглавлять адыгское население долин Лабы и Урупа. Позднее, в результате возвышения дома Инала, это прото-бесленевское владение досталось потомкам Беслана. Местная династия Иналовичей известна с середины XVI в. как Каноковы (имя Каноко носил отец Машука Канокова, одного из инициаторов посольства в Москву в 1552 г.).

Барбаровское «племя» Киппике (Chippiche<sup>51</sup>) сопоставимо с владельческой фамилией Чупако (адыг. Цупакьо). В первой половине XIX в. этот род, совместно со своими многочисленными вассалами и клиентами воспринимался как самостоятельное черкесское племя: «племя Чипакоу» у Эд. Спенсера<sup>52</sup> и

<sup>47</sup> Viaggi... Р. 17; Барбаро и Контарини... С. 128, 153, 176; Волков И.В. Путешествие... С. 653.

<sup>48</sup> Кузнецов В.А. Забытый Кремух // Сборник Русского Исторического Общества. М., 2002. № 4 (152). С. 210–211; Хотко С.Х. История Черкесии в средние века и новое время. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2002. С. 280.

<sup>49</sup> Хан-Гирей. Записки... С. 184.

<sup>50</sup> Полное собрание русских летописей (Далее – ПСРЛ). Т. 13: 1-я половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Под ред. С.Ф. Платонова, при участии С.А. Адрианова. СПб., С. 283–284.

<sup>51</sup> Viaggi... Р. 56 (оборот).

<sup>52</sup> Спенсер Эд. Путешествия в Черкесию / Пред., пер. и комм. Н.А. Нефляшевой. Майкоп, 1994. С.

«могущественное племя чипаков» у Дж. Лонгворта<sup>53</sup>. У Дж. Белла – Tshupako<sup>54</sup>, у С. Хан-Гирея фигурируют в форме Ввпако-р<sup>55</sup>. Это сдвоенное *вв-* не должно нас вводить в заблуждение. Таким образом Хан-Гирей передавал адыгский звук *цу*. Так, Чёпсин (Цюэпсин) у Хан-Гирея передан как Вв-псин. Как отмечает Хан-Гирей, Ввпако-р – первенствующая дворянская фамилия натухайского (натххоккоадьского) племени. Согласно Л. Люлье, эти феодалы вместе с кабардинцами вышли из Крыма и поселились среди натухаевцев на побережье<sup>56</sup>. Такая же генеалогическая линия проводилась и для шапсугского тлекотлешского рода Абат. При этом, Абаты считались родственниками или ответвлением первостепенных кабардинских дворян Тамбиевых, а Чупако – Куденетовых.

Вопрос о существовании Кабардинского владения, в сравнении с западночеркесскими владениями, не является спорным. В то время как весьма спорной и неоднозначно трактуемой проблемой стала начальная дата адыгского продвижения в Центральное Предкавказье. Автор диссертации придерживается мнения, что формирование данного владения началось после нашествия Тамерлана (1395 г.) и было связано не только с усилением адыгского военного и демографического потенциала, но и с процессом окончательной дезинтеграции Золотой Орды на протяжении первой четверти XV в.

*Третий параграф «Интеграция абазин в адыгское этнополитическое пространство».* Одной из ключевых проблем в изучении этнополитической истории Черкесии является интеграция абазинского этноса в адыгское пространство. Начальной фазой этого процесса обычно считается переселение предков абазин-тапанта на северные склоны Главного Кавказского хребта, произошедшее поэтапно на протяжении XIV–XV вв. Вопрос о периоде переселения абазинского населения на северный склон наиболее убедительным образом прояснен в работе З.В. Анчабадзе, в которой подчеркивалось значение процесса дезинтеграции Грузинского царства после разгрома его монголами<sup>57</sup>. Первое надежное свидетельство расселения абазин на северном склоне связано с описанием действий Тамерлана на Северном Кавказе в 1395 г.<sup>58</sup>.

Важно отметить, что процесс интеграции абазин в адыгское пространство начался еще в раннем средневековье, когда абазинцы проживали на своих вековых землях в Причерноморье. Следуя принципу историзма, удалось реконструировать общую картину этногенетических явлений в Причерноморском регионе. Интеграция обеспечивалась не столько за счет перемещений населения, сколько благодаря интенсивным контактам и сильному социокультурному воздействию адыгской (зихской) средневековой общности. По мере дезинтеграции Грузинского царства во второй половине XIII–XIV вв., Джикия интегрировалась в адыгское этнополитическое пространство. Данный процесс сопровождался продвижением

<sup>53</sup> Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов / Пер. с англ. В.М. Аталикова. Нальчик, 2002. С. 61.

<sup>54</sup> Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839 by James Stanislaus Bell. Vol. I. L., 1840. P. 287.

<sup>55</sup> Хан-Гирей. Записки... С. 208.

<sup>56</sup> Люлье Л.Я. О натухажцах, шапсугах и абадзехах // Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества (Далее – ЗКОИРГО). Книжка IV. Тифлис, 1857. Отд. I. С. 233.

<sup>57</sup> Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми, 1959. С. 255–257.

<sup>58</sup> СМОИЗО. Т. II. С. 123.

адыгского населения в юго-восточном направлении вплоть до естественной природной границы в виде Гагринского хребта и течения Бзыби. Территорией, откуда в XIII–XVI вв. исходило адыгское влияние, являлся Туапсинский район. Здесь отмечается весьма впечатляющее скопление курганных некрополей, обряды захоронения и инвентарь которых представляют культурный облик региона как важного, многолюдного, развитого центра этнической и культурной истории адыгского народа<sup>59</sup>. С этой территории во второй половине XIII–XIV вв. культура курганных погребений распространяется в Джикию, формально еще «провинцию» абхазо-картлийского царства. По образному выражению Ю.Н. Воронова, сочи-адлерский регион становится «страной курганных могильников»<sup>60</sup>. Они содержат типичный для адыгских памятников XV–XVI вв. инвентарь<sup>61</sup>.

Экспансия адыгов в сторону Абхазии спровоцировала переселение части причерноморских абазин на северный склон. Оставшиеся в Джикии абазинцы стали основой для формирования садзской общности, которая определялась адыгами как абазэ, абхазами – асадзуа, а для грузин они по-прежнему были джиками<sup>62</sup>. Граница Абхазского княжества, которое в XIV–XVI вв. входило в состав Мегрелии (Мегрельское мтаварство), на западе проходила по нижнему течению Бзыби. Соответственно устье Бзыби было границей не только между Абхазским княжеством и Джикией, но и между Мегрельским мтаварством и Зихией (Черкесией)<sup>63</sup>. К 1533 г. относится последняя попытка грузинских правителей вернуть Джикию в состав своих владений, закончившаяся полным разгромом высадившегося на черкесском побережье войска<sup>64</sup>.

Помимо процессов консолидации, основанных на распространении адыгского языка, а также социальных и политических институтов адыгской общности, имел место встречный процесс «абазской» или причерноморской (абазино-убыхо-адыгской) этнокультурной консолидации<sup>65</sup>. Его пик, по всей видимости, приходился на XVII в. и был вызван демографическим ростом в «Абазии».

Политическая субъектность абазинских княжеств в составе Черкесии сохранялась как в рассматриваемый период, так и в XVII – первой половине XIX вв. В этом плане характерно, что в первом же черкесском посольстве в Москву принимал участие абазинский «государь» Иван (Тутарык) Езбозлуков<sup>66</sup>. Вполне

---

<sup>59</sup> Тешев М.К. Адыгские погребальные сооружения в развитом и позднем средневековье в Туапсинском районе на Черноморском побережье Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. С. 147.

<sup>60</sup> Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. С. 103–111.

<sup>61</sup> Василенко Д.Э. Средневековый курганный могильник «Медовеевка-1» в долине реки Мзымта (г. Сочи) // Наследие Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2008. С. 265, 267–268; Василенко Д.Э. Погребальный обряд населения междуречья Псоу-Шахе в эпоху средневековья // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009. С. 30.

<sup>62</sup> Анчабадзе Ю.Д. Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. Т. VIII. М., 1984. С. 145.

<sup>63</sup> Анчабадзе З.В. Из истории... С. 238.

<sup>64</sup> Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии / Пер. и комм. Г.А. Амичба. Сухуми, 1986. С. 62.

<sup>65</sup> Анчабадзе Ю.Д. Абаза... С. 143–144, 163.

<sup>66</sup> КРО. Т. 1. С. 3–4.

возможно, что в этот период в тапантовской феодальной среде сохранялся институт старшего князя<sup>67</sup>, стремившегося к выстраиванию самостоятельных отношений с Русским государством. В первой трети XVII в. тапантовские владения вошли в состав Казыевой Кабарды (впоследствии Большой Кабарды)<sup>68</sup>. Абазинские субэтнические подразделения в составе Черкесии сохраняли этнокультурную самобытность, но, в то же время, были едва отличимы от адыгского населения: «искони обитая между черкесами, состоя с ними в родственных и общественных тесных связях, некоторым образом составляют с ними, так сказать, одно тело, а между тем сохраняют и свой язык и некоторые свои обычаи и нравы»<sup>69</sup>.

В четвертом параграфе «Фактор «Черной Смерти» (1346–1353 гг.) в генезисе адыгского этнополитического пространства» рассматривается наиболее значимый природный вызов процессу адыгского этногенеза изучаемого периода. Болезни и особенно острые инфекционные заболевания относятся к числу наиболее существенных природных факторов воздействия на этногенез. Формирование и развитие адыгского этнополитического пространства в XIII–XIV вв. совершенно закономерно рассматривается на фоне такого исторического фактора, как давление кочевой империи – Улуса Джучи (Золотой Орды). В середине XIV в. оба фактора сошлись воедино: разразилась крупнейшая в истории пандемия чумы, охватившая большую часть Евразии. Депопуляция и вызванный ею хозяйственный упадок привели к острому и продолжительному политическому кризису в Золотой Орде<sup>70</sup>. Военный и административный контроль Сарая над Черкесией был резко ослаблен – до такой степени, что он практически не прослеживается в нарративных источниках. Напротив, нарративно зримым является усиление Черкесии, которое, надо полагать, сопровождалось демографическим ростом.

Быстрому преодолению или даже, быть может, избавлению от действия пандемии 1346–1353 гг., а также весьма губительных и достаточно частых эпидемий этой болезни на всем протяжении второй половины XIV в. и первой четверти XV в., как мы предполагаем, способствовали природные и социокультурные факторы: 1) Северо-Западный Кавказ не входит в число природных очагов чумы Восточной Европы и Кавказа<sup>71</sup>; 2) определенная географическая, ландшафтная изолированность от степного мира, обеспеченная течением Кубани и высокой степенью лесистости (войдя в черкесский лес на берегу Кубани, можно было двигаться до самого берега Черного моря, не покидая ни разу лесного ландшафта, покрывающего весь нагорный сектор Закубанья на

---

<sup>67</sup> Там же. С. 156.

<sup>68</sup> Там же. С. 234.

<sup>69</sup> Хан-Гирей. Записки... С. 213.

<sup>70</sup> СМОИЗО. Т. I: Извлечения из арабских источников / Под. ред. В.Г. Тизенгаузена. СПб., 1884. С. 530; ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись / Под ред. Ф.И. Покровского. СПб., 1910. С. 108.

<sup>71</sup> Козлов М.П. Чума (природная очаговость, эпизоотология, эпидемические проявления). М., 1979. С. 41, 79–80, 87–88, 92, 94–95, 105–106; Котенев Е.С., Дубянский В.М., Волынкина А.С., Зайцев А.А., Куличенко А.Н., Кравцова С.Л. История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2016. Т. 11. № 4. С. 613.

запад от Фишт-Оштенского массива; 3) самодостаточность хозяйственного комплекса Черкесии, что позволяло длительное время выдерживать режим карантина и не допускать на свою территорию пораженных болезнью людей и скот; 4) отсутствие городов, при более или менее равномерном распределении сельских населенных пунктов, что также облегчало организацию локальных карантинных пунктов; 5) фактор сбалансированного и насыщенного витаминами питания (повседневное употребление ценных в этом отношении продуктов: меда, фруктов, сухофруктов, рыбы, козлятины). Соответственно, мы можем предполагать, что накануне пандемии черкесское население не было ослаблено голодом, а именно испытывающее голод население (что хорошо известно из европейских примеров) давало наибольший процент летальных исходов при чумных и других эпидемиях.

Расширение черкесского пространства во второй половине XIV в. – на всем протяжении XV в. происходило за счет той территории, которая, казалось, была прочно колонизирована тюркским населением. Таковой являлась территория Восточного Приазовья, где опорным пунктом золотоордынского влияния был город Шакрак, основанный в самом конце XIII в. Шакрак стал местом притяжения для черкесского населения и способствовал безопасной хозяйственной деятельности на правом берегу Кубани. Вероятно, он стал, наряду с другими ордынскими городами, жертвой чумы и затем полностью прекратил существование около 1364 г.<sup>72</sup> Таким образом, пандемия середины XIV в. на значительный период остановила процесс татарской колонизации Восточного Приазовья, и способствовала повторному заселению его выходцами из Черкесии.

*В пятом параграфе «Религиозный облик населения Северо-Западного Кавказа: христианские конфессии, этнические культы, начало процесса исламизации» анализируется состояние церковных институтов и практик в Зихии (Черкесии).*

На протяжении VI–XV вв. на территории Северо-Западного Кавказа получило значительное распространение византийское христианство, а в последние два столетия этого периода – католичество. Внедрение христианской религии поощрялось византийскими императорами и церковью. Архиепископия Зихии была достаточно крупной автокефалией вселенской церкви. В notiциях VII–X вв. ряд архиепископий Крыма – Херсонская, Боспорская, Готская, Сугдейская и Фульльская – причислялись к епархии Зихии (ἐπαρχία Ζηχίας)<sup>73</sup>. В конце XIII в. статус Зихской епархии был повышен до митрополии. Последние сведения о византийской церкви в Зихии относятся к самому концу XIV в.<sup>74</sup> Но на фоне, казалось бы, давно и прочно утвержденного христианства, обретшего все

---

<sup>72</sup> Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000. С. 207; Волков И.В., Лопан О.В. Работы на городище Ангелинский Ерик и возможности локализации золотоордынского города Шакрак // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 44.

<sup>73</sup> Кулаковский Ю.В. К истории готской епархии (в Крыму) в VIII веке // Журнал министерства народного просвещения. Часть СССХV. 1898. Январь. СПб., 1898. Отд. IV. С. 174; Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Texte critique, introduction et notes par Jean Darrouzès // La Géographie ecclésiastique de l'Empire byzantine. T. I. P., 1981. P. 206.

<sup>74</sup> Байер Г.-В. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времени Палеологов // Античная древность и средние века. Вып. 27. Симферополь, 1995. С. 73–74.

внешние атрибуты институализации, население Зихии весь этот протяженный период продолжает погребать покойников не по христианскому обряду. Погребения зихов носят совершенно дохристианский облик, являются продолжением тысячелетней традиции погребальной обрядности разноплеменного, но, видимо, родственного населения Северо-Западного Кавказа<sup>75</sup>.

Весьма разительным образом адыгская погребальная практика дистанцировалась от христианской традиции массовым применением кремации тела усопшего. Как раз в те самые века, когда формально институализированное христианство сделало наибольшие успехи в регионе под названием Зихия и должно было полностью духовно окормлять паству, зихское население кремирует покойников. На рубеже XIII и XIV вв. в ареале расселения адыгов произошел отказ от кремирования покойников. При этом наблюдается преемственность в сохранении внешней формы как самих могильников, так и погребальных сооружений. Переживанием многовековой традиции кремации можно считать сооружение так называемой «угольной подушки»<sup>76</sup>. Отказ от кремационной практики мог произойти под культурным влиянием золотоордынской элиты.

Крайнее своеобразие религиозной традиции стало наиболее отличительной чертой культурного развития в ареале адыгской общности. В ситуации недостроенной государственности или, точнее, отсутствия унитарной власти, церковные институты также на протяжении веков были обречены оставаться в таком же недостроенном виде. История христианства у адыгов – это тысячелетняя история миссионерства, которое, на первый взгляд, совершенно не встречало противодействия и не порождало агрессивной реакции. Но и не завершилось окончательным принятием догматов христианской религии.

*Шестой параграф «Комплекс всаднического вооружения у черкесов: формообразование, стиль, экспорт»* посвящен наиболее яркому проявлению адыгского этнополитического пространства в сфере материальной культуры.

Этнокультурный облик страны черкесов неразрывно связан с генезисом оригинального комплекса вооружения и всаднической экипировки, получившего самое широкое распространение в рамках обширного региона Восточной Европы и Передней Азии на протяжении XIII–XVII столетий. Окончательное формирование средневековой адыгской народности, усиление ее культурного влияния на соседей отразилось в широком распространении в современных источниках определения *черкесский* для предметов вооружения, экипировки и одежды. Так, в «Задонщине» при характеристике достоинств русского войска и его оснащения упоминаются «шеломы черкасские»<sup>77</sup>. По всей видимости, русская воинская элита, наряду с другими типами шлемов, использовала шлемы черкесского производства<sup>78</sup>.

---

<sup>75</sup> Interiano G. La vita... P. 13.

<sup>76</sup> Дружинина И.А. К вопросу о хронологии погребальных памятников средневековых адыгов // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 79–80.

<sup>77</sup> Сказания и повести о Куликовской битве. Издание подготовили Л.А. Дмитриев и О.П. Лихачева. Л., 1982. С. 10.

<sup>78</sup> Схатум Р.Б. Защитное вооружение адыгов в золотоордынское время (вторая половина XIII–XIV вв.) // Военная археология. Сборник материалов Проблемного Совета «Военная археология» при

В XIII в. черкесское войско перевооружилось более длинными саблями, что, очевидно, произошло под влиянием монголов. Черкесское усовершенствование состояло в том, что конец сабли расковывался в виде трехгранного или четырехгранного копья, что позволяло пробивать доспех. Таким образом, произошло объединение функций двух видов наступательного оружия – сабли и копья. В адыгском языке название сабли и меча представлено одной лексемой (ад. *чатэ*, каб. *джатэ*), что говорит о плавной эволюции клинкового оружия в адыгском ареале на протяжении VIII–XIV вв.<sup>79</sup>. Популярность черкесской сабли обусловила весьма внушительный ареал ее распространения, в том числе в кочевническом ареале<sup>80</sup>. Описывая защитное вооружение черкесских воинов XIV в., М.В. Горелик отмечает, что Прикубанье «исключительно богато находками оборонительного вооружения золотоордынского периода... Судя по обилию находок, можно полагать, что защитное вооружение было доступно достаточно широкому слою профессиональных воинов, каковыми были княжеские дружинники»<sup>81</sup>. Длительная и плодотворная эволюция вооружения и упряжи на территории Северо-Западного Кавказа завершилась в ордынскую эпоху созданием передового в технологическом отношении и имевшего оригинальный стиль в оформлении комплекса вооружения<sup>82</sup>.

Таким образом, этнические, политические, природные, культурные и религиозные аспекты существования адыгского этнополитического пространства со всей очевидностью показывают нам его генетическую укорененность в историческом и природном ландшафте Северо-Западного Кавказа, высокую адаптивность к внешним вызовам (войнам, эпидемиям). Данное пространство сформировалось как весьма устойчивая система, способная к защите своей среды развития, обладающая набором этнокультурных ценностей, определенной притягательностью образа жизни.

**Третья глава «Черкесия в системе международных отношений, XIII–XV вв.»** посвящена анализу военно-политических и этно-демографических контактов адыгского этнополитического пространства.

*Первый параграф «Адыги и кочевые государства: характер и основные этапы военно-политического и культурного взаимодействия»* представляет собой исследование закономерностей в историческом сосуществовании адыгского

---

Государственном Историческом музее. Вып. 2. М., 2011. С. 189–192; Двуреченский О.В., Барышев А.В., Бирюков П.В. Шелом черкасский. М., Тула, 2012. С. 15.

<sup>79</sup> ТСАЯ. С. 467; Словарь кабардино-черкесского языка. М., 1999. С. 133–134.

<sup>80</sup> Бобров Л.А. Источники поступления сабель в казахские войска XVIII – середины XIX вв. // Военное дело улуса Джучи и его наследников. Астана, 2012. С. 347–348.

<sup>81</sup> Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2008. Вып. 15. С. 169.

<sup>82</sup> Левашева В.П. Белореченские курганы // Труды Государственного исторического музея. Вып. XXII: Археологический сборник / Под ред. А.Я. Брюсова. М., 1953. С. 176–182; Горелик М.В., Дружинина И.А. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1 (2). М., 2011. С. 39–62; Носкова Л.М. Богатый комплекс золотоордынского времени из предгорий Закубанья // Древности Западного Кавказа. Краснодар, 2013. С. 205–214; Ривкин К., Пинчо О. Оружие и военная история Кавказа // Альманах «История оружия». 2011. № 4. Запорожье, 2011. С. 75, 77, 86.

земледельческого ареала с миром тюркской степи. Представления о характере отношений автохтонного населения Северо-Западного Кавказа с кочевниками относятся к наиболее важным в плане создания цельной концепции истории адыгов. В эпоху Великого переселения народов регион С.-З. Кавказа стал испытывать большое давление со стороны кочевников. Выживание автохтонного ареала облегчалось тем, что ни одно кочевническое наступление на Запад, как мы можем полагать, не преследовало целью аннексировать пространство С.-З. Кавказа. Волны миграций из глубинных районов Евразии не помешали образованию на С.-З. Кавказе Зихского (Касожского) племенного союза, окончательно оформившегося к VI в. и пережившего Хазарский каганат. Более того, на протяжении печенежско-кипчакского периода происходят процессы военно-политического и экономического усиления зихов.

Без надежной апробированной стратегии взаимодействия с кочевниками самостоятельная этническая история такого региона как С.-З. Кавказ была попросту невозможна. Она прекратилась бы еще в самой глубокой древности. Анализ основных военно-политических и этнографических данных показывает, что во взаимодействии черкесского пространства с кочевниками существовал повторяющийся исторический сценарий.

Первый этап такого сценария – кочевническое давление либо спланированная завоевательная кампания. Очевидную угрозу своему существованию Черкесия испытала со стороны монголов. Завоевательный поход Бату на Запад привел, в том числе, к покорению черкесов и гибели их царя зимой с 1237 на 1238 гг.<sup>83</sup>. Период с 1237 г. и по, примерно, 1332 г., когда завершилась ордынско-черкесская война<sup>84</sup>, можно охарактеризовать как время наибольшего военного давления со стороны Орды.

Второй этап – стабилизация отношений до такой степени, которую можно считать относительно мирным сосуществованием. Если в первой половине XIV в. происходит нормализация джучидско-черкесских отношений<sup>85</sup>, сопровождавшаяся введением института золотоордынского наместничества, то во второй половине этого столетия наблюдается военно-политическое усиление черкесов, увеличение территории их расселения<sup>86</sup>. В середине XV в. отмечается военное доминирование черкесов в степном секторе между Кубанью и Доном<sup>87</sup>.

Третий этап состоял в неизбежном появлении новой и более агрессивной волны пришельцев, которые стремились сокрушить «старых» тюрков региона Дон-Кубань, а только потом принимались за зихов (черкесов). «Старые» тюрки уже ощущают себя в роли автохтонов и в целях спасения заключают оборонительный альянс с черкесами. Кочевники укрываются за рекой Кубань или бегут на Запад

---

<sup>83</sup> СМОИЗО. Т. II. С. 37.

<sup>84</sup> Голубев Л.Э. Военная экспансия хана Узбека на Северном Кавказе и адыгское сопротивление ей (1327–1335 гг.) // Интеграция науки и высшего образования в социально-культурной сфере. Выпуск 4. Краснодар, 2006. С. 376–379.

<sup>85</sup> Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XVIII. СПб., 1999. С. 74.

<sup>86</sup> «Libellus de Notitia Orbis»... Р. 107; Барбаро и Контарини... С. 153, 181 (прим. 131), 223.

<sup>87</sup> Viaggi... Р. 16, оборот.

вплоть до Венгрии и Балкан. Это явление было настолько заметно для современников, что грузинский автор конца XI в. Джуаншер писал: «В последующее время печенеги и джики во множестве бежали от тюрок и ушли печенеги на запад»<sup>88</sup>. Потом, под натиском монголов ровно также поступают половцы<sup>89</sup>. Эта модель, когда старое тюркское население выступает на стороне адыгов или заручается поддержкой адыгов, работала не только с более подвижными половцами и ногайцами, но и со статичными тюркскими государствами: Тохтамыш с черкесами против Тамерлана<sup>90</sup>, Крымское ханство с черкесами против калмыков<sup>91</sup>.

На протяжении второго и третьего этапов тюркские монархии обязательно испытывают культурное и военно-политическое влияние со стороны черкесов. Черкесы входят в состав управленческой элиты и Золотой Орды, и Крымского ханства. Признание вассальной зависимости и обещание выставить воинский контингент в поддержку хана весьма надежно гарантировали спокойное существование для большей части населения Черкесии. В то же время, опальные ханы и принцы крови практически безошибочно на протяжении более чем трех веков пользовались страной черкесов как надежным убежищем, куда не доставала рука властного родственника из Бахчисарая<sup>92</sup>.

Четвертый этап – относительно равное соперничество за гегемонию в регионе. В рамках этого этапа черкесы могли оказывать сильное давление на тюркские государства. Характерный пример – Большая Орда, которая не смогла удержаться в Пятигорье из-за военного натиска черкесов<sup>93</sup>. Для этой заключительной фазы характерен высокий уровень межкультурных коммуникаций. Он связан с этнополитической и культурной интеграцией остаточного кочевнического объединения в адыгское пространство.

Отношения с Ногайской Ордой, детально отраженные в русских источниках, являются наилучшей иллюстрацией рассматриваемого в диссертации характера взаимоотношений Черкесии с сильным кочевническим объединением. К 1552 г. от Ногайской Орды из Заволжья откочевала небольшая группа во главе с мирзой Гази (Казы) Ураковым, заложившая основу так называемой Малой Ногайской орды или Казыева улуса<sup>94</sup>. Эта миграция была вызвана жестокой междоусобной войной, в которой верх одержал бий Исмаил, управлявший Ногайской Ордой с конца 1554 г.

---

<sup>88</sup> Цит. по: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 149.

<sup>89</sup> Зеленский Ю.В., Пьянков А.В., Схатум Р.Б. К вопросу о присутствии кочевников в Северо-Восточном Причерноморье и Западном Закубанье в XI–XV вв. // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова. 10–11 мая 2011 г. Сухум, 2011. С. 186–189.

<sup>90</sup> Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Т. IV. Грозный, 1976. С. 111.

<sup>91</sup> Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 84–89.

<sup>92</sup> Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. 1. М., 2005. С. 332, 336, 342, 369, 411, 413, 417, 467–468, 488.

<sup>93</sup> Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. С. 94, 110, 114–115.

<sup>94</sup> Трепавлов В.В. История Ногайской Орды / Отв. ред. М.А. Усманов. 2-е изд., испр. и доп. Казань, 2016. С. 385.

по сентябрь 1563 г. В.В. Трепавлов отмечает, что выходцы из Ногайской Орды получили с самого начала военную поддержку со стороны кабардинских князей, противников Темрюка: «Исмаил не раз с досадой отмечал неуязвимость Гази под защитой горцев... “места крепки, без пушек и пищали взять его [Гази] немочно”, “и как мы похотим воевать Казы мирзу, и он от нас убегает к черкасом”»<sup>95</sup>. Союз с черкесами был закреплен женитьбой Гази на дочери Пшеапшоко Кайтукина около 1562 г.<sup>96</sup>

Кочевники, оседая в земледельческом ареале С.-З. Кавказа, усиливали его оборонный потенциал и входили в состав адыгского этноса. Военная и политическая организация адыгов выстраивалась в обстановке перманентной кочевнической угрозы. Стратегия сопротивления кочевническим вызовам была основана на конной войне, а отступление в горы допускалось только по тактическим соображениям. Выдержав войну на открытой равнине, адыги оказывались в состоянии расширять свое пространство даже в такие периоды, когда мощное кочевническое завоевание подавляло большинство этносов и культур, чья стратегия основывалась на обороне крепостей. Можно сказать, что в адыгах кочевники встречали своеобразных оседлых «кочевников», совершенно не держащихся за конкретное место, но принципиально отстаивающих свое локальное превосходство, право контролировать пространство между Доном и Кавказом.

*Второй параграф «Политико-дипломатические и торговые связи Каффы и Черкесии (1266–1475 гг.)»*

Адыгское этнополитическое пространство развивалось в условиях тесных торгово-экономических контактов с генуэзской Каффой. Торговые контакты осуществлялись не только в Крыму, но и во всех удобных гаванях азовско-черноморского побережья Черкесии. Вопрос о том, как выглядело генуэзское поселение в Черкесии остается открытым. В известных немногочисленных источниках сообщается о контактах на уровне власти Каффы – князя Черкесии. Описаний собственно «поселений» нет. По всей видимости, это были не «поселения», а небольшие группы домов и складов в непосредственной близости от черкесских селений или в их черте. Имея в виду большую часть италийских поселений в бассейне Черного моря, П.М. Штрэсле отмечает, что, несмотря на свою высокую экономическую значимость, эти поселения не обладали правом экстерриториальности (*dominium directum* «прямое владение») и являлись, по сути, скромными селтльментами на чужой территории<sup>97</sup>. Е.С. Зевакин и Н.А. Пенчко, авторы исследования на тему генуэзского присутствия на Северо-Западном Кавказе, отмечают неизменную на протяжении двухсот лет зависимость «колоний» от местного населения<sup>98</sup>.

---

<sup>95</sup> Там же. С. 394.

<sup>96</sup> Там же. С. 394–395.

<sup>97</sup> Карпов С.П. Strässle, P.M. Der Internationale Schwarzmeerhandel und Konstantinopel 1261–1484 im Spiegel der sowjetischen Forschung. Bern, etc., 1990 // Византийский временник. 1992. Т. 53. С. 192.

<sup>98</sup> Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV веках // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 103–104.

Черкесия была крайне важным для Каффы поставщиком продовольствия и, в первую очередь, зерна. Это значение черкесского хлебного рынка особенно очевидно в годы неурожая в Крыму и периоды военных конфликтов генуэзцев с татарами<sup>99</sup>. Закупки зерна и продовольствия в Черкесии требовали переговоров и санкции со стороны старшего князя Черкесии. К нему направлялся посол, представлявший консула Каффы, подносящий обязательные дары<sup>100</sup>. Единственное поселение в Черкесии, в которое назначался консул – Копа, располагавшаяся в районе современного Темрюка. Но консул не проживал в Копе на постоянной основе, а являлся, по сути, торговым агентом<sup>101</sup>.

Особенность генуэзского присутствия проявлялась в том, что лигурийские аристократы заключали матримониальные союзы со знатными семьями Черкесии<sup>102</sup>. О достаточно высоком авторитете черкесских правителей свидетельствует в частности факт обращения властей Каффы к старшему князю Черкесии Уздеморку в 1446 г. для урегулирования территориального спора с крымским ханом<sup>103</sup>. Черкесские правители не только полностью контролировали свои земли, но и периодически давали понять своим генуэзским контрагентам, что надо быть менее алчными в отношении закупочных и отпускных цен. Это давление со стороны черкесов осуществлялось путем укрывательства должников, экспроприации собственности, открытого разбоя – в том числе и на море<sup>104</sup>.

Таким образом, генуэзцы не располагали военными и иными ресурсами для установления колониального режима в Черкесии. На протяжении всего периода им приходилось вести переговоры с черкесскими князьями, выторговывая для себя существенные преимущества в сравнении с купцами греческого, армянского и мусульманского происхождения. На политический статус генуэзского присутствия прямо влияли такие факторы как военная мощь черкесов, имевшая в эти века отчетливую тенденцию к усилению, а также зависимость от поставок продовольствия из Черкесии.

*Третий параграф «Версия о черкесском происхождении последней династии княжества Феодоро (Крымской Готии), 1403–1475 гг.: историографические и источниковедческие вопросы».* Период усиления адыгской этнополитической общности сопровождался иммиграционным процессом из достаточно насыщенного населением старого ареала расселения в ряд регионов, испытывавших определенный дефицит в людских ресурсах. Одним из таких регионов после Черной Смерти середины XIV столетия являлся Крым.

---

<sup>99</sup> Balard M. La Romanie génoise (XIIe-début du XVe s.). Gênes-Rome, 1978. Vol. 1. P. 399; L'ufficio dei quattro borghesi di Caffa chiede pur egli la rimossione del suddeto vescovo e sollecita spedizione di grano. 1455, 6 settembre // ASLSP. Vol. VI. P. 368; Карпов С.П. Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII–XV вв. // Византийский временник. 1989. Т. 50. С. 29.

<sup>100</sup> Balard M. La Romanie génoise... Vol. 1. P. 372, 396, 461.

<sup>101</sup> Устав для Генуэзских колоний... // ЗООИД. Т. V. С. 804; ASLSP. Vol. VII. Parte II. P. 673.

<sup>102</sup> Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки... С. 110.

<sup>103</sup> Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 215–216.

<sup>104</sup> Kressel R.Ph. The Administration of Caffa under the Uffizio di San Giorgio. Wisconsin, 1966. P. 389; Balard M. La Romanie génoise... Vol. 1. P. 156, 461; Bratianu G.I. Recherches sur le Commerce Génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929. P. 196, 257.

В памяти крымских татар XVI в. период правления Мангупом и Готией княжеского дома Алексея (1403–1475) каким-то существенным образом связан с черкесами. Не только столица, но и более древний город и крепость были объединены названием Черкес-кермен<sup>105</sup>. В центральной части исторической Готии в последующий период известны такие топонимы как Черкес-Тюз, Черкес-Таш и Кабарта. Последнее название носила река Бельбек в своем верхнем течении. Таким образом, Мангуп (вероятный «Новый черкесский кермен») располагался в «черкесской долине» на «кабардинской реке»<sup>106</sup>. Вся центральная часть княжества крымских готов в источниках XVI–XVIII вв. была маркирована как черкесская область. При раскопках на территории Алуштинской крепости и укрепления Пампук-Кая, которое расположено в среднем течении Бельбека (Кабарты), в помещениях XIV–XV вв. была обнаружена керамика, аналогичная адыгской керамике этого же периода.

Учитывая эти и другие, еще более существенные данные, некоторые ведущие специалисты по истории средневекового Крыма, начиная с 1991 г. стали формулировать версию о черкесском происхождении последней династии Готии<sup>107</sup>. В период с 1403 по 1475 гг. в княжестве Феодоро правила династия, основателем которой был некий Алексей. Династическая линия выглядит следующим образом: Алексей (ок. 1403–1444, и, как максимум, до 1446 г.), Олобей Алексей или Алексей II (1444/46–1465); Сайкус или Исайко (1465–1475), Александр (1475). Версия происхождения мангупского правящего дома от греческих топархов XIII в., сформулированная А.А. Васильевым<sup>108</sup>, основана на крайне отрывочных данных и совершенно не учитывает те источники, которые стали доступны последующим поколениям специалистов.

В этом плане весьма важно, что представители мангупского правящего дома, находившиеся в греческой среде Трапезунда, воспринимались как черкесы. Это умершие в Трапезунде в июне 1435 г. Иоанн Тзиаркасис (Obit of «servant of God» John Tziarkases) и Николай Тзиаркасис (Obit of «servant of God» Nicholas Tziarkases)<sup>109</sup>. Э. Брайер, исследователь, обнаруживший эти строчки в синаксарие, отождествил форму тзиаркасис (Τζιάρκασης) с этнонимом черкес. Точно также мангупская принцесса Мария, дочь князя Исайко, выданная в 1472 г. замуж за господаря Молдавии Стефана Великого, известна в хронике (1457–1499), которую вели в немецкой колонии в Молдавии, как черкешенка: «В том же году [1472] в месяце сентябре 14 днем привезли Стефану воеводе княгиню из Маугопа (так в

<sup>105</sup> Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского // ЗООИД. Т. 6. С. 344.

<sup>106</sup> Тунманн. Крымское... С. 34–35; Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. I. Одесса, 1879. С. 118; Люлье Л.Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми: Черкесами (Адиге), Абхазцами (Азеге) и другими смежными с ними // ЗКОИРГО. Кн. IV. Тифлис, 1857. С. 186.

<sup>107</sup> Мыц В.Л. О пребывании «черкесов» в Крыму // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов конференции. Симферополь, 1991. С. 81–82; Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. С. 217, 509; Байер Х.-Ф. История... С. 215.

<sup>108</sup> Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936. P. 195–200.

<sup>109</sup> Bryer A. Some Trapezuntine Monastic obits (1368–1563) // Revue des études byzantines. Т. 34. № 1. 1976. P. 135–136.

оригинале, Маугор, прим. С.Х.) с именем Мария; она была черкешенкой (sy was ein Zerkassin) и он имел с ней двух дочерей»<sup>110</sup>.

Ведущий специалист по истории княжества Феодоро В.Л. Мыц склонен считать династию Алексея черкесской, подчеркивая, что определение «греческие», в данном случае, как и в целом ряде других известных случаев – не указание на этническую принадлежность, но только свидетельство принадлежности к греческому или византийскому вероисповеданию<sup>111</sup>. Следует отметить, что отношения между Черкесией и Готией могли носить многоплановый характер и включать в себя не только династический уровень, но и матримониальные связи, приемное родство, военное сотрудничество (выезд черкесов на службу в Мангуп).

В четвертом параграфе «Геополитические и этнокультурные причины вовлечения населения Северо-Западного Кавказа в мобилизационную систему египетских мамлюков» анализируется влияние международной работорговли в бассейнах Средиземного и Черного морей на процесс формирования адыгского этнополитического пространства. Отмечается, что на протяжении второй трети XIII в. во взаимовыгодное сотрудничество в вопросе трафика рабов вошли четыре ведущих актора: 1) власти улуса Джучи; 2) правительство Египта; 3) византийское восстановленное государство в Константинополе; 4) италийские морские республики Генуя и Венеция.

Сразу при создании обстановки хаоса и разорения в Северном Причерноморье, вызванном монгольским завоеванием 1237–1242 гг., правительство Египта, еще аййубидское, воспользовалось возможностью скупки рабов по относительно небольшим ценам с последующим отбором их в ряды мамлюкского корпуса. В 1250 г. лидеры мамлюков приходят к власти и сменяют династию Салах-ад-дина на свою собственную «династию»-корпорацию, избирающую на султанство<sup>112</sup>. Бывшие рабы правили в Каире, но источник рабов был удален от них и находился в руках их формальных противников. В битве при Айн-Джалуте (1260) еще участвовали части, направленные из улуса Джучи, но это была последняя консолидированная кампания. Затем северные монголы вступили в конфликт с теми, кто занял Иран. Северные монголы сразу поняли выгодность оттока населения в Египет и только способствовали этому процессу, обогащаясь сами, ослабляя покоренные территории, увеличивая проблемы своих иранских соперников<sup>113</sup>.

Трафик военных рабов из Северного Причерноморья в Египет обеспечивался морским путем. В 1261 г. контроль над старой столицей Византийской империи был восстановлен Михаилом VIII Палеологом (1259–1282). В 1262 г. мамлюкский султан Бейбарс I (1260–1277) заключил договор с Михаилом, согласно которому

---

<sup>110</sup> Молдавско-немецкая летопись 1457–1499 гг. / Пер. И.Э. Клейненберга // Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. / Составитель Ф.А. Грекул. Ответственный редактор В.И. Буганов. М., 1976. С. 39, 49.

<sup>111</sup> Мыц В.Л. Каффа... С. 509.

<sup>112</sup> Зеленев Е.И. Египет: Средние века. Новое время. СПб., 1999. С. 144.

<sup>113</sup> Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966. С. 44–47, 56, 77.

мамлюки получили свободный доступ в Черное море<sup>114</sup>. После 1266 г. в перевозку военных рабов в Египет самым активным образом включились генуэзцы. В Каффе было учреждено специальное бюро султанских агентов по закупке рабов — *Tuggar al-khass*.

Таким образом, в первой половине 60-х гг. XIII в. сложился альянс государств, заинтересованных в поддержании трафика рабов из Северного Причерноморья в Египет. Хан Берке в Сарае дал добро на отток населения в Египет, император Михаил согласился не интересоваться правами христианских пленников, пропуская все мусульманские и генуэзские корабли в обе стороны, а султан Бейбарс в Каире решил важнейший вопрос выживания того «аномального» режима<sup>115</sup>, который был вызван к жизни всем предшествующим ходом арабской истории. В проигрыше оказались иранские монголы и крестоносные анклав. Но противодействовать тесной кооперации четырех акторов они не могли<sup>116</sup>.

Адыгское этнополитическое пространство, таким образом, оказалось в самом центре мамлюкской «мобилизации». Социальное и культурное состояние страны адыгов также полностью способствовало тому, чтобы стать «рудником рабов». Во-первых, не было унитарного государства с одной династией и аппаратом принуждения. Государь единой Черкесии, надо полагать, как и любой другой властитель категорически противодействовал бы оттоку своих подданных, потенциальных налогоплательщиков и солдат. Во-вторых, и этот второй фактор неразрывно связан с первым, были слабыми церковные институты. Не хватало не только морального, но и властного авторитета главы Зихской епархии, который бы мог дать максимально негативную оценку такому явлению, как работорговля. В итоге, децентрализованная страна превратилась в постоянный ресурс мобилизации мамлюков.

*Пятый параграф «Проблема сохранения адыгской этнокультурной идентичности в среде черкесских мамлюков: генеалогические предания, язык, антропонимикон, аталычество, головные уборы, геральдика».*

Черкесия стала одним из ведущих поставщиков мамлюкского пополнения около 1280 г., когда бахритский султан Калаун создал собственный гвардейский полк Бурджи<sup>117</sup>. Ал-Умари (1301–1349) считал черкесских мамлюков бывшими пленными, а тюрок – проданными их семьями или отдельными родственниками<sup>118</sup>. Воин, попавший в плен и проданный в мамлюки, имел существенное преимущество перед детьми и юношами. Черкесские воины воспроизводили в новых условиях ту воинскую и феодальную иерархию, в которой привыкли жить у себя на родине. Приход к власти в Каире в 1382 г. черкесской группировки и ее

---

<sup>114</sup> Успенский Ф.И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // Византийский временник. Т. XXIV. Л., 1926. С. 5–6; Holt P.M. The Age of the Crusades. The Near East from the Eleventh Century to 1517. L.; N.-Y., 1993. P. 162.

<sup>115</sup> Зеленев Е.И. Мусульманский Египет. СПб., 2007. С. 163.

<sup>116</sup> Verlinden Ch. Le commerce en Mer Noire des debuts de l'epoque byzantine au lendemain de la conquete de l'Egypte par les Ottomans (1517) // XIII Congrès international des Sciences historiques. Moscou, 1970. P. 227.

<sup>117</sup> Зеленев Е.И. Египет... С. 140.

<sup>118</sup> Koby Y. Mamluks and their Relatives in the Period of the Mamluk Sultanate (1250 – 1517) // MSR. Vol. XVI. 2012. P. 60, прим. 14.

длительное господство привели к тому, что само мамлюкское государство стало называться в арабских хрониках черкесским (*dawlat al-jarakisa*)<sup>119</sup>.

Отражением эпохи интенсивных контактов Черкесии с Египтом стало генеалогическое предание об аравийском (сирийско-египетском) происхождении княжеского дома Инала<sup>120</sup>. Черкесское предание отражает старую генеалогическую легенду, сконструированную знаменитым Ибн Халдуном по поручению султана Баркука в 80-е гг. XIV в. Согласно Ибн Халдуну, в стародавние времена арабское племя бану Гассан переселилось в Византию (билад ал-Рум) и оттуда перешло в Черкесию, где разошлось по разным племенам и породнилось с местным населением. Теперь же, в лице Баркука и его соотечественников, отмечал Халдун, нами управляют потомки гассанидов<sup>121</sup>.

Версия о переселении арабов в Черкесию была востребована как в самой Черкесии, так и в Египте, и Османской Турции на протяжении нескольких веков. Э. Челеби приводит предание о происхождении черкесов от курейшитов, часть которых бежала в Константинополь, откуда морем прибыла к черкесам<sup>122</sup>. Незадолго перед Челеби халдуновская концепция была актуализирована ведущим мамлюкским эмиром Каира Ридван-беем ал-Факари (1631–1656), по инициативе которого было составлено весьма символически названное сочинение: «Покорение лиц, хмурающихся при упоминании родословной черкесских эмиров и связи ее с курейшитами» (1632)<sup>123</sup>. Эта генеалогическая легенда была призвана «установить генеалогическую связь черкесов и арабов и поднять авторитет иноземной мамлюкской элиты в арабском обществе», а происхождение от курейшитов было своего рода благословлением пророка Мухаммада на управление Египтом и другими арабскими землями<sup>124</sup>. В Черкесии же легенда об «арабском» происхождении была призвана повысить авторитет княжеской династии Иналовичей.

Попадая в Египет будучи уже взрослыми людьми, далеко не всегда в качестве рабов, но и в качестве наемников и просто родственников, черкесы естественным образом содействовали сохранению родного языка в среде «черкесских мамлюков»<sup>125</sup>. Наряду с языком и обычаями сохранялись отдельные

---

<sup>119</sup> Хасанов А.А. Формирование черкесской группировки мамлюков в Египте // Арабские страны. Турция. Иран. Афганистан. История, экономика. М., 1973. С. 163; Garcin J.-C. The Regime of the Circassian Mamluks // *The Cambridge History of Egypt, Volume 1*. Edited by M.W. Daly, Carl F. Petry. Cambridge University Press, 1998. P. 290.

<sup>120</sup> Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. С. 109.

<sup>121</sup> Ayalon D. The Circassians in the Mamluk Kingdom // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 69. Pt. 3. New Haven, 1949. P. 137.

<sup>122</sup> Челеби Э. Книга... Вып. 2. С. 57.

<sup>123</sup> Илюшина М.Ю. Три рукописи о происхождении Ридван-бея // XXIV Международная научная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки» 10–12 апреля 2007: Тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Дьяков. СПб., 2007. С. 75.

<sup>124</sup> Iliushina M.Yu. The Origins of the Circassian mamluks. A Subject of Myth-Making // URL: <http://publications.hse.ru/preprints/133978793>

<sup>125</sup> Ibn Taghri Birdi. History of Egypt 1382–1469 A.D. (Part. 1, 1382–1399 A. D.), transl. from the Arabic annals of Abu'l-Mahasin ibn Taghri Birdi by W. Popper // University of California publications in Semitic philology. Vol. 13. Berkeley, Los Angeles, 1954. P. 4; The Travels of Bertrandon de la Brocquiere, counsellor and first esquire-carver to Philippe le Bon, Duke of Burgundy, to Palestine, and his return from Jerusalem

значимые элементы материальной культуры, призванные подчеркнуть происхождение и аристократический статус. Прежде всего, это касается головных уборов – высоких конусообразных колпаков из козлиной шерсти, часто окрашиваемых в красный цвет<sup>126</sup>. Изучение источников, связанных с мамлюкским Египтом, позволяет в значительной степени уточнить целый ряд актуальных вопросов этнополитической и культурной истории адыгов XIII–XVI вв.

*Шестой параграф «Вовлечение населения Северо-Западного Кавказа в средиземноморскую систему работорговли (последняя треть XIII–XV вв.)».*

Одним из наименее изученных вопросов генуэзского и венецианского присутствия в ареале расселения адыгской общности остается торговля людьми. Изучение данного вопроса необходимо для составления адекватной картины межкультурного взаимодействия в бассейне Черного моря на протяжении 1266–1475 гг. Итальянское или западно-средиземноморское направление рабского трафика дополняет масштабное интернациональное явление мамлюкского рабства. В 1272 г. в Генуе упоминается Ролландо Чаркасио (Rollando Carcasio), вероятно, черкес по происхождению, за которого был внесен налог как за невольника<sup>127</sup>. Это можно считать первым упоминанием о черкесском рабе в Генуе. В основном, Генуя принимала тот человеческий товар, который ей поставляла Каффа. М. Балар отмечает, что черкесы (зихи) составили 44 % от всех рабов, проданных в Каффе в 1289–1290 гг. и 45% от всех восточных рабов в Генуе<sup>128</sup>. Восточных (черноморских) рабов было много больше, чем «сарацин». Балар отмечает, что 4/5 рабов, продававшихся в Генуе, были уроженцами восточных районов Черного моря<sup>129</sup>. Этнические клички вместо имен говорят том, что невольник был захвачен незадолго перед тем, как был продан.

В источниках часто встречаются свидетельства о предоставлении свободы, по истечении какого-то времени, по состоянию здоровья и возрасту, либо после смерти хозяина, что говорит нам о том, что европейцы в моральном отношении тяготились рабовладением<sup>130</sup>. Сохранились свидетельства того, что бывшие рабы выкупали на волю своих сородичей. Так, Джиованни де Джаркасия (Giovanni de Jarchaxia), сам бывший невольник, помог черкесу Орко (Orco) выкупиться из рабства<sup>131</sup>. Бегство было наиболее типичной формой сопротивления неволе<sup>132</sup>. Среди черкесских рабов могли находиться люди, обладающие высоким уровнем мастерства в ремесле, владении оружием, сельском хозяйстве, народной медицине. Подобные навыки почти обязательно способствовали более комфортному

---

overland to France, during the years 1432 and 1433 / Transl. by Thomas Johnes. L., 1807. P. 179; Лев Африканский. Африка – третья часть света. Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть / Перевод с итальянского, комментарий и статья В.В. Матвеева. Л., 1983. С. 337–338.

<sup>126</sup> Fuess A. Sultans with Horns: the Political Significance of Headgear in the Mamluk Empire // MSR. Vol. XII. № 2. 2008. P. 82.

<sup>127</sup> Balard M. Remarques sur les esclaves à Gênes dans la seconde moitié du XIIIe siècle // Mélanges d'archéologie et d'histoire. 1968. Volume 80, Numéro 2. P. 637.

<sup>128</sup> Ibid. P. 644.

<sup>129</sup> Balard M. La Romanie... Vol. I. P. 291.

<sup>130</sup> Balard M. Remarques... P. 666; Epstein S.A. Genoa and the Genoese 958–1528. The University of North Carolina Press, 1996. P. 282–283.

<sup>131</sup> Balard M. Remarques... P. 678.

<sup>132</sup> Balard M. La Romanie... Vol. II // ASLSP, nuova serie, XVIII/2 (1978). P. 824.

существованию, успешной социо-культурной адаптации. Свидетельством успешной карьеры бывшего невольника на Западе служит биография первого католического архиепископа Черкесии Иоанна, который был рукоположен в сан архиепископа Черкесии 21 февраля 1349 г. в Авиньоне папой Климентом VI<sup>133</sup>. Внебрачные дети, рожденные невольницами от состоятельных отцов-итальянцев, могли признаваться и иметь благополучное будущее. Примером этого является биография аббата и папского нунция в Тоскане Карло де Медичи (1427–1492), внебрачного сына Козимо Медичи от черкешенки Магдалены<sup>134</sup>.

Импорт черкесских рабов в Геную и другие европейские государства Западного Средиземноморья представлял собой достаточно масштабный исторический процесс, имевший очевидное отрицательное воздействие на демографическое и культурное развитие Черкесии.

**В четвертой главе «Черкесия под воздействием Османской империи и Русского государства, XVI в.»** рассматривается комплекс проблем политической истории адыгов, обусловленный включением пространства их расселения в зону военно-политического влияния крупнейших держав.

*Первый параграф «Включение Северо-Западного Кавказа в сферу влияния Османской империи, 1475 – первая треть XVI в.»*. В 1453 г. произошло событие, которое самым коренным образом изменило политическую карту Черного моря: османский султан Мехмед Фатих захватил столицу Византийской империи Константинополь. К концу столетия большая часть Балканского полуострова и Анатолии вошли в состав Османской империи. В 1475 г. крупный десант под началом великого визиря Гедик Ахмед-паши захватил Каффу и все генуэзские владения в Крыму, превратив их в османское наместничество<sup>135</sup>. После этого часть этих сил направили для удара по Азаку (Тане) и по черкесской Копе (Ябугермен)<sup>136</sup>. При обороне Копы, согласно итальяским источникам, погибли черкесские князья<sup>137</sup>.

В 1479 г. состоялся первый поход турок против Черкесии. Кемальпашазаде описал его результаты в превосходных тонах, но занять высадившееся с кораблей войско сумело только Матрегу, Мапу (Анапу) и повторно Копу<sup>138</sup>. Турки довольствовались контролем над стратегически важным районом Керченского пролива. Они заняли под свой новый административный район – Каффинский санджак – наиболее стратегически и экономически важные территории – Керченский полуостров, Таманский полуостров, южный берег Крыма. В апреле 1502 г. в русском отчете о купеческой деятельности в Крыму и Турции упоминаются османские чиновники (*шубаш*, т.е. субаши, начальник стражи, и

---

<sup>133</sup> «Libellus de Notitia Orbis»... P. 111.

<sup>134</sup> Phillips W.D. Slavery from Roman times to the early transatlantic trade. Manchester University Press, 1985. P. 98.

<sup>135</sup> Finkel C. Osman's Dream. The story of the Ottoman Empire 1300-1923. L., 2006. P. 68.

<sup>136</sup> Aşık Paşazade. Osmanlıların Tarihi. Çeviri ve Günümüz Diline Aktarım: Kemal Yavuz, M.A. Yekta Saraç. İstanbul, 2003. P. 539.

<sup>137</sup> Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки... С. 128.

<sup>138</sup> Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. С. 52.

кади, мусульманский судья, выполнявший также функции главы административно-судебного аппарата округа) в Тамани, которые реквизировали в пользу султанской казны часть имущества умершего русского торговца<sup>139</sup>.

Весной 1501 г. сын османского султана Баязида II, Мехмед, занимавший пост бейлербея Каффы, возглавил поход в Черкесию. Османско-крымский отряд потерпел поражение, но важно, что в этом походе принимали участие две сотни черкесов, находившихся на службе у бейлербея<sup>140</sup>. В 1504 г. шах-заде попытался организовать еще один поход в Черкесию и потребовал от хана Менгли-Гирея выделить войска, но экспедиция не состоялась ввиду того, что сам Мехмед был отравлен по приказу отца. После столь неубедительного натиска Черкесия временно оказалась избавленной от османской агрессии. А.М. Некрасов подчеркивает, что обострение борьбы с кызылбашами, угрожавшими османам в Восточной Анатолии, заставило османское правительство прекратить наступление на Западном Кавказе<sup>141</sup>.

В 1515–1519 гг. османы, при поддержке хана, построили крепость Темрюк, которая была возведена в непосредственной близости от черкесской Копы генуэзского периода<sup>142</sup>. Массированное присутствие османов, имевших возможность использовать мощный крымский ресурс, привело черкесскую элиту к неизбежности признания верховного сюзеренитета османского султана. Если в 1475 г. у Кемалпашазаде фигурирует определение *Çerkes-Diyârı* «Черкесская земля», то в 1539 г. *Çerkes-Vilâyeti* «черкесский вилайет»<sup>143</sup>. В 1520–1539 гг. последовал относительно мирный период взаимодействия, на протяжении которого черкесские князья получали жалованье от султана. На Тамани сохранялось черкесское население, которое управлялось собственными князьями. Фактически и юридически, Черкесия сохраняла автономный статус и могла периодически позволить себе игнорировать распоряжения из Стамбула.

*Второй параграф «Усиление военного давления Османской империи и Крымского ханства в 1539–1551 гг.»*. В 1539 г. начался длительный период конфронтации, формально спровоцированный нападением черкесов на османские крепости. Четыре похода хана Сахиб-Гирея I (1532–1551) в Черкесию, осуществленные при самой действенной поддержке османов, не привели к покорению страны черкесов, но зато вызвали к жизни русско-черкесский альянс. А.М. Некрасов подчеркивает весьма важную причину активизации османской политики экспансии: конфликт с Сефевидским Ираном<sup>144</sup>. Будучи ханскими вассалами, черкесские князья противоборствовали сюзерену, уклонялись от

---

<sup>139</sup> Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской Ордами и с Турцией. Изданы под редакцией Г.Ф. Карпова. Т. I. С 1474 по 1505 г., эпоха свержения монгольского ига в России // Сборник императорского Русского Исторического общества (Далее – СИРИО). Т. 41. СПб., 1884. С. 408.

<sup>140</sup> Там же. С. 357.

<sup>141</sup> Некрасов А.М. *Международные...* С. 75.

<sup>142</sup> Челеби Э. *Книга...* Вып. 2. С. 46; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, нагаями и Турцией. Изданы под редакцией Г.Ф. Карпова и Г.Ф. Штендмана. Т. II. 1508–1521 гг. // СИРИО. Т. 95. СПб., 1895. С. 667–668, 671; Некрасов А.М. *Международные...* С. 89.

<sup>143</sup> Kırzioğlu M.F. *Osmanlılar'ın Kafkas-Elteri'ni Fethi (1451–1590)*. Ankara, 1998. S. 67, 72.

<sup>144</sup> Некрасов А.М. *Международные...* С. 103.

выплаты дани и участия в крымских походах. Более того, черкесы вооруженной рукой вмешивались в вопросы престолонаследия Астраханского ханства, что было открытым вызовом Крыму<sup>145</sup>.

«Тарих-и Сахиб Герей хан» или «История хана Сахиб Герейя» османского летописца Кайсуни-заде Мехмеда Нидаи, более известного как Реммал Ходжа, является основным источником по истории этих походов. Данный источник позволяет в деталях представить характер и масштабы военно-политического давления Османской империи и Крымского ханства на страну черкесов.

Первый поход, совершенный в мае-июне 1539 г., был осуществлен при османской поддержке и с привлечением таманских черкесских беев<sup>146</sup>. Он носил общий карательный характер и имел целью пройти через Жаней и Темиргой, перевалить через Главный Кавказский хребет и нанести удар по убыхскому «племени» Ордан. Упоминается жанеевский бей Кансавук (отец Сибока, старшего князя Жанея в 50–60-е гг. XVI в.). Он был вынужден повторно присягать хану и выплатить тяжелую дань невольниками. В 1545 г. Сахиб-Гирей совершил два отдельных похода – против Жанея и Кабарды. Оказалось, что после похода 1539 г. жанеевское сопротивление не прекратилось и потребовалась специальная экспедиция. Состоялось крупное военное столкновение, войско Кансавука было окружено и потерпело поражение, но ему самому с группой воинов удалось вырваться<sup>147</sup>. Третий поход (второй в 1545 г.) был спровоцирован, как представляется междоусобной борьбой в Кабарде за старшее княжение. Князь Эльбозду был вытеснен Темрюком Идаровым. Проигравшая сторона обратилась за помощью к Сахиб-Гирею. Ханское войско двинулось через Дон и в пору сбора урожая на хлебных полях Пятигорья и долины Малки обрушилось на кабардинцев. В отражении ханского вторжения вместе с кабардинцами приняли участие люди племени Бужадук (бжедуги), которые, по всей видимости, были ранее переселены в Кабарду Темрюком в качестве союзников<sup>148</sup>. Черкесы потерпели тяжелое поражение и многие представители знати были публично казнены. Четвертый поход Сахиб-Гирея состоялся в 1551 г. и был вызван открытым неповиновением хатукаевских князей. Население княжества (порядка 40 «кабаков») понесло большие потери, многие были захвачены в плен и уведены в Крым<sup>149</sup>.

Походы Сахиб-Гирея стали наиболее жестоким историческим (военно-политическим) вызовом или стимулом удара, согласно терминологии А. Тойнби, который сподвиг черкесскую элиту искать союзника в лице Русского государства.

*Третий параграф «Военно-политические контакты Черкесии и Русского централизованного государства, 1552–1604 гг.».* В середине XVI в., сразу после серии разорительных османско-крымских походов в Черкесию, начался качественно новый этап в политической истории адыгов. Впервые, испытав сильнейшее давление, феодальная элита смогла организовать и выработать

---

<sup>145</sup> Зайцев И.В. Астраханское... С. 114–115.

<sup>146</sup> TSGH. S. 38, 178.

<sup>147</sup> Ibid. P. 216–217 .

<sup>148</sup> Кожев З.А. Происхождение и историческая судьба Кемиргоко Идарова // Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка. 2015. Нальчик, 2015. С. 141–142.

<sup>149</sup> TSGH. S. 258–260.

политическую стратегию, направленную на сдерживание внешней агрессии. В основе этой стратегии лежал поиск военного союзника.

Первое черкесское посольство в Москву (ноябрь 1552 г.) состояло из бесленеевского князя Машука Канокова, абазинского князя Тутарыка Езбозлукова и князя Танашука, принадлежность которого неясна. Князья обратились с просьбой о подданстве и военной защите: «чтобы их государь пожаловал, вступился в них, а их з землями взял к себе в холопи, а от крымского царя оборонил»<sup>150</sup>. Иван IV с видимым удовлетворением воспринял появление новых вассалов и союзников в борьбе против Крымского ханства и сообщал в Литву, что отныне черкесские князья служат ему<sup>151</sup>. Второе посольство (август 1555 г.), по всей видимости, стало итогом большого собрания черкесских князей. На сей раз прибыли «Жаженьские Черкаские государи»: старший князь Жанея Сибок Кансаукович в сопровождении своего брата Ацымгука, сына Кудадика, и большой свиты в 150 человек. В июне 1557 г. последовало третье посольство, которое, по сути, было группой князей, выехавших на царскую службу. Появление черкесов в Москве мгновенно увеличило военный потенциал Русского государства. Сигизмунд II Август указывал Девлет-Гирею на опасность русско-черкесского союза<sup>152</sup>. Посольства в Москву позволили черкесам опереться на русскую военную поддержку, а совместные операции против ханства и, фактически, Османской Турции продолжались до начала 1561 г.<sup>153</sup>.

На протяжении 1562 г. и первой половины 1563 г., произошел взаимный выход сторон из военно-политического союза. Иван IV стремился заключить сепаратный мир с Девлет-Гиреем, поскольку столкнулся с большими военными трудностями в Ливонской войне<sup>154</sup>. Закономерно, что жанеевские и бесленеевские князья также постарались примириться с ханством и при помощи Д. Вишневецкого заключили союз с Литвой<sup>155</sup>. Выражаясь словами Е.Н. Кушевой, «Западная Черкесия оказалась для Москвы потерянной»<sup>156</sup>.

История русско-кабардинского военно-политического альянса оказалась более продолжительной, хотя также неоднократно могла полностью прекратиться. В июле 1557 г. прибыл первый посол из Кабарды, представлявший старшего князя Темрюка Идарова. Обычно сообщение о первом кабардинском «посольстве» 1557 г. трактуется как коллективное и консолидированное обращение всех ветвей кабардинских Иналовичей. Но дальнейшие события показали, что в Кабарде произошел отчетливый раскол на прокрымскую и прорусскую группировки.

---

<sup>150</sup> ПСРЛ. Т. XIII: 1-я половина. С. 228.

<sup>151</sup> Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II. (1533–1560 г.). Изданы под ред. Г.Ф. Карпова // СИРИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 449.

<sup>152</sup> Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963. С. 212.

<sup>153</sup> Сношения России с Кавказом. С. XLVII; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II. С. 613; Продолжение Древней Российской вивлиофики. Часть X. СПб., 1795. С. 102–103.

<sup>154</sup> Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев: Майстерня кныгы; Бахчисарай, 2010. С. 263.

<sup>155</sup> Кушева Е.Н. Народы... С. 221.

<sup>156</sup> Там же. С. 223.

Темрюк неоднократно добивался от Ивана IV значительной военной поддержки, опираясь на которую предпринял ряд карательных экспедиций не только против кабардинцев, но и ряда горских народов Центрального Кавказа (ингушей, осетин, балкарцев). В 1570 г. Т. Идаров погибает в сражении с крымско-черкесским войском в Закубанье, его сыновья попадают в плен. В 1571 г. Девлет-Гирей сжигает Москву, что ставит под сомнение сюзеренитет Ивана IV не только над черкесскими землями, но и над Астраханью.

В 1578 г. отношения с Москвой были восстановлены младшим братом Темрюка Камбулатом. Политико-правовые взаимоотношения сторон закрепила «царская жаловальная с золотой печатью» грамота царя Федора Ивановича (1588) князю Камбулату Идаровичу. Она, как отмечает К.Ф. Дзамихов, «была по своему виду договорной». Жалованную грамоту можно определить как своеобразную царскую «шерть», приносимую им важным вассалам. При анализе шертной практики К.Ф. Дзамихов делает необходимое уточнение о том, что соглашения эти «имели силу лишь в кабардинских удельных княжествах пророссийской ориентации»<sup>157</sup>. Альянс Темрюка с Иваном Грозным не прервал линию независимого существования Кабарды, а, напротив, «укрепил ее позиции и способствовал повышению ее политического веса в регионе»<sup>158</sup>.

На протяжении последней трети XVI – первой половины XVII вв. отношения с Москвой поддерживались преимущественно представителями двух идаровских родов – Камбулатовичами и Желеготовичами (по линии его внука Сунчалей). Большая часть Кабарды контролировалась потомками Пшеапшоко Кайтукина, которые не признавали тех титулов, которые получали в Москве представители Камбулатовичей. Проводником русского влияния в регионе стала крепость Терки, построенная в устье Терека в 1588 г.

*Четвертый параграф «Черкесские князья на русской военной и административной службе».* Привлечение черкесских князей на службу было важной частью кооптационной стратегии Русского государства. В этот период наблюдается массовое включение татарских и ногайских владетелей в состав русского правящего класса. Вероятно, второй по массовости «призыв» аристократов-инородцев на государеву службу составили черкесские князья<sup>159</sup>. «Черкасские, войдя в среду российской высшей знати, – отмечают П.А. Кузьминов и М.С. Тамазов, – занимали видные посты в центральном и местном государственном управлении, а также высшие должности в армии. Их привилегированное положение состояло в том, что в бояре они выходили, минуя чин окольничего»<sup>160</sup>.

---

<sup>157</sup> Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е — начало 1770-х гг.). Нальчик, 2001. С. 94–96.

<sup>158</sup> Дзамихов К.Ф. Этнос в точке бифуркации... С. 96.

<sup>159</sup> Lemercier-Quelquejau Ch. Co-optation of the Elites of Kabarda and Daghestan in the Sixteenth Century // The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. L., 1992. P. 18–44.

<sup>160</sup> Кузьминов П.А., Тамазов М.С. Роль кавказской элиты в становлении полиэтнического российского государства // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 50.

С самого начала союзнические и подданнические отношения с русским царем оформлялись не только присягой, но и службой<sup>161</sup>. В 1557 г. в составе Передового полка в Ливонии у Рынгола (Рингена) упоминаются «черкасские князи Амашук князь да князь Василей Сибок з братьею»<sup>162</sup>. Пребывание сразу двух владетельных князей из Черкесии на русской службе и их готовность исполнить свою часть союзнических обязательств, показывает степень их зависимости от Москвы. Также это может свидетельствовать о крайней степени конфронтации с Крымским ханством. Иван IV заявлял Сигизмунду-Августу о безусловном характере черкесского подданства: «А впросят, сколко Черкас Пятигорских у царя и великого князя? И Роману молвити: у государя нашего на Москве живут Абеслинские князи, а Машик с братьею, да Джанские князи Сибок с братьею, а с ними людей их с тысяч пять»<sup>163</sup>. В 1558 г. в «памяти» послу Р.В. Олферьеву говорилось о массовом участии черкесов в ливонском походе<sup>164</sup>. Г. Штаден писал, что «большая часть иноземцев на Москве теперь немцы, черкасские татары и литовцы»<sup>165</sup>. Из западноадыгских князей на русской службе следует выделить Андрея Чюмахова-Черкасского, Ивана Егупова-Черкасского, Петра Ахамашукова-Черкасского<sup>166</sup>.

В 1561 г. после женитьбы Ивана IV на дочери Темрюка Идаровича преимущественное положение при русском дворе заняли выходцы из Идаровой Кабарды. В 1567 г. царский шурин М.Т. Черкасский становится боярином<sup>167</sup> и упоминается как первое лицо в свите Ивана IV<sup>168</sup>. В 1571 г. М.Т. Черкасский, фактически, командовал армией, поскольку занимал пост первого воеводы Большого полка, располагавшегося в Торусе на так называемом Береге<sup>169</sup>. Последний раз М.Т. Черкасский упоминается 16 мая 1571 г. в связи с выступлением царя навстречу татарам в район Серпухова<sup>170</sup>. Русские войска потерпели поражение и не смогли противодействовать захвату и сожжению Москвы армией Девлет-Гирея. М.Т. Черкасский был обвинен в измене и казнен<sup>171</sup>.

После М.Т. Черкасского наиболее привилегированным статусом при русском дворе пользовался Борис (Карашай) Камбулатович Черкасский, породнившийся с родом Романовых, будущих правителей России. Выдающимся военачальником стал двоюродный брат Михаила Семен Ардасович Черкасский, проявивший себя

---

<sup>161</sup> Чекалин А.Е. Формирование рода князей Черкасских в России XVI в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». № 1. 2013. С. 18.

<sup>162</sup> Разрядная... 1966. С. 175.

<sup>163</sup> СИРИО. Т. 59. С. 584.

<sup>164</sup> Там же. С. 542.

<sup>165</sup> Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника / Пер. и вступит. Статья И.И. Полосина. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1925. С. 123.

<sup>166</sup> Дзамихов К.Ф. К генеалогии западноадыгских Черкасских (княжеских родов) в XVI–XVII веках // Культура и быт адыгов. Вып. VIII. Майкоп, 1991. С. 162.

<sup>167</sup> Тычино Н. Черкасский, князь Михаил // Русский биографический словарь. Т. 22. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического общества А.А. Половцова. СПб., 1905. С. 218–219.

<sup>168</sup> Разрядная... 1974. С. 51.

<sup>169</sup> Там же. С. 68–69.

<sup>170</sup> Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. М.: Наука, 1982. С. 278.

<sup>171</sup> Штаден Г. О Москве... С. 97.

на ливонском театре военных действий<sup>172</sup>. Пик влияния группы князей Черкасских связан с именами Ивана Борисовича Черкасского, Дмитрия (Каншао) Мамстрюковича Черкасского и Якова (Урускана) Куденетовича Черкасского и приходится на 20–60-е гг. XVII в. Черкасские оказывали заметное влияние на выработку и осуществление политического курса Русского государства в отношении Северного Кавказа и, особенно, Кабарды.

*Пятый параграф «Черкесия в период осmano-сефевидской войны 1578–1590 гг.»*. На протяжении последней четверти XV–XVI вв. Османская империя предприняла ряд шагов к установлению прочного контроля над Черкесией. Важнейшим этапом на этом пути стала осmano-сефевидская война 1578–1590 гг., во время которой Черкесия, совместно с Крымским ханством и Дагестаном, выступила на стороне Османской державы.

В послании главнокомандующего Лала Мустафы-паши (январь 1578 г.), адресованном правителям Дагестана и ширванским принцам, особенно подчеркивалось, что «черкесская армия и татарский хан также с нами»<sup>173</sup>. В османских и крымских документах упоминаются черкесские беи со своими отрядами, вошедшие в состав османского экспедиционного корпуса<sup>174</sup>. Из кабардинцев подчеркивается старшинство Арслана (т.е. Асланбека Кайтукина, младшего брата Пшеапшоко Кайтукина, главного соперника Темрюка Идарова в 60-е гг.)<sup>175</sup>.

Черкесы фигурируют в составе османской армии в качестве отборных частей<sup>176</sup>. Упоминаются османские офицеры черкесского происхождения и в их числе Черкес Оздемир-оглу Осман-паша, главнокомандующий после Лала Мустафы-паши и великий визирь с 1584 г.; Черкес Хайдар-паша, бейлербей Румелии<sup>177</sup>; Черкес Касым-бей, командовавший обороной Тифлиса<sup>178</sup>. Заслуги черкесских князей были высоко оценены османским султаном. В 1590 г., согласно берату (жалованной грамоте) султана Мурада III, кемиргоевский князь Мехмед был назначен санджакбеем Кафы. Более того, Мехмед был утвержден в качестве старшего князя Черкесии («эмир Черкесских земель»)<sup>179</sup>. До Мехмеда почетное звание эмира Черкесских земель принадлежало кабардинскому князю Арслан-бею, занимавшему также и пост санджакбея Кафы.

В адыгском фольклоре выдающееся место занимает песня о взятии Темиркапы («Темыркъапэ иорэд»), в которой говорится, что черкесское войско выступило в поход под ханским знаменем (санджаком) из района реки Антхир и

---

<sup>172</sup> Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011. С. 65.

<sup>173</sup> Фарзалиев А. Южный Кавказ в конце XVI в. Осmano-сефевидское соперничество. СПб., 2002. С. 43.

<sup>174</sup> Kırzioğlu M.F. Osmanlılar'ın... P. 314, 317, 439–442.

<sup>175</sup> Ibid. P. 312.

<sup>176</sup> Фарзалиев А. Южный Кавказ... С. 107, 127.

<sup>177</sup> Там же. С. 111–114.

<sup>178</sup> Там же. С. 99.

<sup>179</sup> Зайцев И.В. Кермук ~ Кермук и «Татарский угол» (к пониманию двух средневековых этно-топонимов) // Книга картины земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой / Под ред. Т.Н. Джаксон и А.В. Подосинова. М., 2014. С. 96.

отличилось при штурме Темиркапы<sup>180</sup>. Как отмечал К.Ф. Сталь, «князья Болотоковы отличались такой храбростью в этом походе, что крымский хан дал этой фамилии права Черного хана (кара-хан или кара-султан), т.е. все права настоящего хана над народом везде, где не управляет лично сам Белый-хан, т.е. повелитель Крыма. Черкесы говорят, что эта песня есть как бы родословная книга их дворянства. Те фамилии, которые не поименованы в этой песне, не могут считаться коренными дворянскими фамилиями»<sup>181</sup>.

Как видим, султанский указ 1590 г. подтверждает как общее содержание фольклорного памятника, так и то значение, которое придавалось его содержанию самими черкесами. Победа в войне 1578–1590 гг. не только продемонстрировала военно-политическое преобладание Османской империи в противоборстве с державой Сефевидов, но стала также важной вехой в закреплении османского сюзеренитета над Черкесией.

*Шестой параграф «Крымско-черкесские отношения: конфронтация, вассалитет, союзничество».* Политическая история черкесов на протяжении XV–XVII вв. была самым тесным образом связана с Крымским ханством. Черкесские князья эпизодически присягали крымскому хану в конце XV – первой четверти XVI вв., но до 60-х гг. XVI в. большая часть Черкесии не контролировалась ханским правительством. Впоследствии сложился вполне определенный политический и военный баланс: черкесские князья признали верховную власть хана, оставаясь при этом почти полностью самостоятельными правителями. Они должны были поддерживать сюзерена войсками, но от уплаты регулярной дани уклонялись всеми возможными способами, вплоть до ожесточенного вооруженного сопротивления. Таким образом, мы можем констатировать, что Черкесия и входила в состав Крымского ханства, и не входила в него в полном смысле этого слова. Административная и, часто, военная власть хана заканчивалась на Керченском проливе. Прямой диктат всегда требовал значительной мобилизации, на что далеко не всегда была способна армия и экономика ханства.

Вассальные отношения Гиреев с черкесскими княжескими домами закреплялись через матримониальные союзы и институт аталычества. Ханский дом Гиреев с самого своего основания был в отношениях родства и политического союза с черкесской феодальной элитой. Согласно «Умдет ал-Ахбар» Абдулгаффара Кырыми, Хаджи-Гирей (1441–1466) был рожден черкешенкой – «дочерью бека племени адеми из кемеркуевских черкесов»<sup>182</sup>. Менгли-Гирей I был женат на черкесской княжне<sup>183</sup>. Во время правления Менгли-Гирея в Крыму проживала большая черкесская община, в среде которой обозначилось стремление к бегству в Черкесию сразу после смерти хана<sup>184</sup>. Сахиб-Гирей I в 1533 г., согласно

<sup>180</sup> ЕмыкI Н. Темыркъапэ иорэд // Псалъ. № 9 (12). Мыекъуапэ, 2012. Н. 142–149.

<sup>181</sup> Этнографический очерк черкесского народа. Составил генерального штаба подполковник барон Сталь в 1852 году // Кавказский сборник / Под ред. генерал-майора Потто. Т. XXI. Отд. II. Тифлис, 1900. С. 138.

<sup>182</sup> Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-Ахбар / Пер. с османско-турецкого языка Н.С. Сейтягъева // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 207–208.

<sup>183</sup> Allen W.E.D. Problems of Turkish Power in the Sixteenth Century. L., 1963. P. 48.

<sup>184</sup> Вести из Азова и Керчи, что царь Менгли-Гирей умер. 1515, мая 29 – июня 19 // СИРИО. Т. 95. С. 140.

сообщению московского посла В. Левашова, едет в Керчь для встречи своей будущей супруги-черкешенки<sup>185</sup>.

Девлет-Гирей I, один из наиболее могущественных крымских ханов, имел значительное черкесское окружение. А.М. Некрасов отмечает, что старшая жена Девлет-Гирея Айше-Фатъма-Султан происходила «из знатной адыгской семьи», а ее брат бей Азхад (Ахмед) входил в число приближенных хана<sup>186</sup>. Подавляющее большинство крымских ханов XVII–XVIII вв. являлись потомками Девлет-Гирея и этой черкешенки по линии их старшего сына Мухаммед-Гирея II (1577–1584).

Важным итогом матримониальной политики стало снижение военной опасности для страны черкесов. Характерной чертой статуса Черкесии было то повторяющееся обстоятельство, что представители золотоордынской и впоследствии крымско-татарской элиты искали в ее пределах спасения от своих более удачливых соперников<sup>187</sup>.

**В заключении** подведены итоги исследования, изложены основные выводы, соответствующие тем положениям, которые вынесены на защиту.

#### **Положения, выносимые на защиту:**

– Впервые ставится проблема формирования Черкесии в золотоордынское время. Традиционно история домонгольской Черкесии (Зихии) X–XII вв. и Черкесии XIV–XV вв. рассматривалась без уточнения тех важнейших гео- и этнополитических векторов воздействия, которые кардинально изменили размеры, демографический потенциал, военно-политический статус и облик страны адыгов.

– Одним из значимых положений данной диссертации является тезис о синонимичности этнонимов *зихи* и *касоги* для периода VIII–XII вв., *зихи* и *черкесы* для периода XIII–XVI вв. В историографии этнической истории адыгов получила значительное распространение точка зрения о существовании двух раннесредневековых адыгских племенных союзов – зихского и касожского (А.В. Гадло, Н.Г. Волкова и др.). Данная точка зрения носит неоднозначный характер и те же авторы допускают толкование, согласно которому эти этнонимы являются синонимами либо, по меньшей мере, были таковыми длительный период. Высказывается также точка зрения, согласно которой касоги – пришлый кочевнический (тюркский) этнос, занявший все пространство Западного Закубанья до Псекупса (А.В. Пьянков). Авторская позиция по этой проблеме основана на сопоставлении данных италийских, греческих, русских и арабо-мусульманских источников. Выяснилось, что в западной (европейской) группе источников использовался исключительно этноним зихи. Традиция маркировать население Северо-Западного Кавказа наименованием зихи (зихи, зиги, др. варианты) основана на античной этногеографической номенклатуре. Русская этногеографическая традиция не использовала этноним зихи, но хорошо знала этноним *касоги*, который является полным аналогом арабо-персидского термина

---

<sup>185</sup> Некрасов А.М. Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Сборник памяти члена-корреспондента РАН Анатолия Петровича Новосельцева. Отв. ред. Т.М. Калинина. М., 2000. С. 216.

<sup>186</sup> Там же. С. 219.

<sup>187</sup> Смирнов В.Д. Крымское ханство... Т. 1. С. 332, 336, 342, 369, 411, 413, 417, 467–468, 488.

*кашак*. На основании систематизированных данных можно сделать вывод, что западные источники именовали средневековое адыгское население зихами, а восточные (включая русские и хазарские) – кашаками.

– В ряду до конца непроясненных проблем, анализируемых в диссертации, находится генезис крупных феодальных владений (княжеств) Зихии (Черкесии) – Хытука, Собая, Жанея, Кемиргоя (Кремука), Бесленея и Кабарды. Автором выдвинуто положение об этнокультурной преемственности Кемиргоя XVI в. в отношении Кремука XV в. Это наблюдение дополнило принципиально важными аргументами существующее в современной историографии представление (В.А. Кузнецов) о связи барбаровского Кремука с ареалом белореченской археологической культуры. Одним из важных выводов можно считать наблюдение, согласно которому в изучаемый период на Таманском полуострове образовалось адыгское феодальное владение Хытук («остров», «островитяне»), наиболее развитое в культурном и хозяйственном отношении. Итальянские источники XV в. неоднократно упоминают наименование *гетки* для обозначения зихского (черкесского) населения Таманского полуострова. Данный термин, очевидно, является транслитерацией адыгского термина *хытук*.

– Одним из основополагающих для данной диссертации является комплекс наблюдений о характере генуэзского присутствия в Черкесии. В историографии советского периода (Е.С. Зевакин, Н.А. Пенчко и др.) доминировало представление о колониальном характере господства генуэзцев в Крыму и на Кавказе. Переосмысление данной концепции произошло в работах С.П. Карпова, П.М. Штрэсле, Р.Н. Кация. Была выработана более объективная оценка сложившихся между генуэзцами и народами бассейна Черного моря отношений. Подчеркивается, что генуэзские поселения на Кавказе не обладали правом экстерриториальности. В выносимом на обсуждение исследовании рассматриваются политические и культурные контакты адыгского населения с генуэзской Каффой, несомненно, способствовавшие социально-экономическому и культурному развитию адыгского общества.

– К важнейшим культурным и военно-политическим факторам, оказавшим влияние на процесс формирования Черкесии, автор диссертации относит постоянное взаимодействие с кочевыми государствами, анализируемое на основании концепции «вызов и ответ» (А. Тойнби). Прослежены основные этапы взаимодействия адыгского этнополитического пространства с кочевниками. Удалось установить, что всякий раз отношения начинались с конфронтации и завершались военным союзом, культурным обменом, интеграцией кочевых коллективов в адыгское этнополитическое пространство.

– При изучении проблем генезиса адыгского этнополитического пространства представляется важным учитывать влияние значимых общеевропейских процессов и явлений. В частности, демографических и цивилизационных вызовов, обусловленных пандемией чумы середины XIV в. Пандемия оказала сильнейшее воздействие на демографическое состояние Евразии и, в первую очередь, Золотой Орды. Кочевое население пострадало наиболее жесточайшим образом. Депопуляция вызвала хозяйственный упадок и затяжной политический кризис, известный в русских летописях как «Великая зямтяня».

Ослабление империи Джучидов объективно способствовало территориальному росту Черкесии, обретению ею фактической независимости.

– Представлен ряд выводов, касающихся этнополитических связей Черкесии с султанатом Мамлюков, основанных на выявленных автором современных источниках. Впервые в рамках отечественного востоковедения автор диссертации подчеркивает, что целый ряд черт черкесской культуры – язык, атальчество, феодальные связи и отношения, отдельные элементы традиционных верований и культов, головные уборы, доспехи и пр. – сохранялись черкесскими мамлюками на всем протяжении периода «черкесского государства» в Египте (1382–1517).

– Изучение мамлюкских источников позволило автору скорректировать сложившиеся представления о происхождении легендарного Инала, прародителя кабардинских и бесленеевских князей, показав, что сам корпус генеалогических преданий и историографических версий о сирийско-египетском (арабо-мусульманском) происхождении Инала имел в своем основании совершенно сознательно инспирированный и распространенный в период правления Баркука миф о переселении арабского племени бану Гассан из Сирии в Черкесию в первом веке хиджры. Соответственно, приход к власти черкесских мамлюков не был узурпацией власти абсолютными чужаками и пришельцами с варварской периферии мусульманского мира, но преподносился в качестве реставрации у власти в важнейшей мусульманской империи потомков древних и весьма почитаемых арабских королей.

– Широкое привлечение археологических источников позволило автору диссертации выявить степень и границы влияния христианских институтов и центров миссионерской деятельности. Выяснилось, что центры распространения христианства – Матрика и Никопсис – оказывали лишь весьма локальное воздействие на погребальную обрядность зихов (черкесов). Подавляющее большинство адыгского населения продолжало следовать старым погребальным обрядам, в том числе, кремации. Кремационный обряд в Зихии широко применялся на протяжении VIII–XIII вв., а его быстрое изживание в XIV в. автор объясняет не столько усилением христианского влияния, сколько политическим и культурным воздействием Золотой Орды.

– Поскольку адыгское этнополитическое пространство существовало в виде сообщества феодальных владений, то внешнеполитическое положение Черкесии на протяжении XVI в. рассмотрено на фоне военно-политических контактов крупнейших владений (Жанея, Темиргоя, Бесленея, Кабарды) с Крымским ханством, Османской Турцией, Русским государством. Отмечается, что установление военно-политического союза с Русским государством стало реакцией на усилившееся давление со стороны Крымского ханства (походы Сахиб-Гирея). Русское государство начиная со второй половины XVI в. превратилось в наиболее значимого актора северокавказской истории.

**Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:**

**Монографии:**

1. Хотко С.Х. Черкесские мамлюки. (Краткий исторический очерк). Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 1993. 180 с.
2. Хотко С.Х. Черкесские (адыгские) правители Египта и Сирии в XIII–XVIII веках. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1995. 376 с.
3. Хотко С.Х. Генезис черкесских элит в султанате Мамлюков и Османской империи (XIII–XIX вв.). Майкоп: Меоты, 1999. 280 с.
4. Хотко С.Х. История Черкесии в средние века и новое время. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 552 с.
5. Хотко С.Х. Очерки истории черкесов. От эпохи киммерийцев до Кавказской войны. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 432 с.
6. Хотко С.Х. История Черкесии в средние века и новое время. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2002. 976 с.
7. Хотко С.Х. Цивилизация Кабарды. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. 540 с.
8. Хотко С.Х. Открытие Черкесии. Картографические источники XIV–XIX вв. Майкоп: ОАО «Полиграф–ЮГ», 2015. 292 с.
9. Hotko S. Çerkeslerin (Adigelerin) Tarihi. Istanbul: Apra, 2015. 332 s.

**Брошюры:**

1. Агрба Б.С., Хотко С.Х. «Островная» цивилизация Черкесии. Черты историко-культурной самобытности страны адыгов. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2004. 48 с.

**Статьи, опубликованные в реферируемых изданиях ВАК:**

1. Хотко С.Х. Черкесия и княжество Кремук на «Карте мира» (Mappamondo) Фра Мауро, 1459 г. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп: изд-во АГУ, 2014. Вып. 3 (144). С. 96–101.
2. Хотко С.Х. Легенды о черкесах в европейской картографии XVI в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп: изд-во АГУ, 2014. Вып. 4 (148). С. 88–93.
3. Хотко С.Х. К вопросу о сохранении черкесского (адыгского) языка в среде черкесских мамлюков // Вестник АГУ. Вып. 1(156). Майкоп, 2015. С. 71–74.
4. Хотко С.Х. Геополитические и этнокультурные причины вовлечения населения Северного Причерноморья в мобилизационную систему египетских мамлюков // Вестник АГУ. Вып. 4 (167). С. 61–67.
5. Хотко С.Х. Черкесские рабы в Западном Средиземноморье (последняя треть XIII – XV вв. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Вып. 1 (174). Майкоп: изд-во АГУ, 2016. С. 60–71.

6. Хотко С.Х. Критерии периодизации позднесредневековой истории Черкесии // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. № 5. Ч. 1. Краснодар, 2015. С. 72–75.
7. Хотко С.Х. Генеалогические предания об Инале и их связь с легендарными версиями происхождения черкесских мамлюков // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Том 7, № 7, часть 1. С.32–37.
8. Хотко С.Х. Население Северо-Западного Кавказа и евразийские кочевники: «алгоритм» военно-политического взаимодействия // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Том 7, № 8. С. 83–88.
9. Хотко С.Х. Этнонимические и топонимические наименования Северо-Западного Кавказа в исторических источниках: на примере портолана Пьетро Веконте 1318 года // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2016. Т. 8. № 1/2. С. 121–127.
10. Хотко С.Х. Черкесские княжества в XIV–XV веках: вопросы формирования и взаимосвязи с субэтническими группами // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2016. Т. 8. № 2/1. С. 51–58.
11. Хотко С.Х. Черкесо-франки: этнокультурная общность на стыке цивилизаций // Научная мысль Кавказа. № 1 (85). Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы ЮФУ, 2016. С. 79–85.
12. Хотко С.Х. Матримониальные союзы и система приемного родства как инструменты внешней политики черкесских княжеств (XIII–XVII вв.) // Научная мысль Кавказа. № 2 (86). Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы ЮФУ, 2016. С. 76–85.
13. Хотко С.Х. Религиозный облик населения Северо-Западного Кавказа в VIII–XV вв.: соотношение христианства и языческих культов // Научная мысль Кавказа. № 4 (88). Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы ЮФУ, 2016. С. 74–81.
14. Хотко С.Х. Включение Северо-Западного Кавказа в сферу влияния Османской империи, 1475–1520 гг. // Genesis: исторические исследования. 2016. № 3. С. 29–41. URL: [http://e-notabene.ru/hr/article\\_19308.html](http://e-notabene.ru/hr/article_19308.html)
15. Хотко С.Х. Черкесия в османо-сефевидской войне 1578-1591 гг. // Genesis: исторические исследования. 2016. № 4. С. 1–11. URL: [http://e-notabene.ru/hr/article\\_19792.html](http://e-notabene.ru/hr/article_19792.html)
16. Хотко С.Х. Племя и некрополь: археологические памятники адыгского ареала XIII–XVI вв. и их взаимосвязь с субэтническими группами // Клио. № 6 (114). СПб., 2016. С. 38–43.
17. Хотко С.Х. Походы Сахиб-Гирея I в Черкесию в 1539–1551 гг. по сведениям Реммал Ходжи // Клио. № 11 (119). СПб., 2016. С. 48–58.
18. Хотко С.Х. Топоним «Черкесский бан» на карте Дж. Гастальдо 1551 г. в контексте черкесского присутствия в Крыму / С.Х. Хотко // Проблемы истории, филологии и культуры. — № 4(54). — М., Магнитогорск, Новосибирск, 2016. — С. 116–127.
19. Хотко С.Х. Комплекс всаднического вооружения в Черкесии XIII–XVII веков: формообразование, стиль, экспорт // Клио. № 1 (2017). С. 135–143.

20. Хотко С.Х. Формирование адыгской общности, XIII–XVI вв.: пространство, природно-географические условия, факторы внешнего воздействия // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1. С. 72–79.

**Статьи:**

1. Хотко С.Х. Татары и Черкесия в XIII–XVIII вв. // Этюды по истории и культуре адыгов. Вып. 2. Майкоп: Меоты, 1999. С. 61–90.

2. Хотко С.Х. Генуя и Черкесия: политическое и культурное взаимодействие в XIII–XV вв. // Сборник Русского Исторического общества. Т. 4 (152). М., 2002. С. 193–205.

3. Хотко С.Х. Черкесы в составе «профессиональных османов» (XVI–XIX вв.) // Мир культуры адыгов. Майкоп, 2002. С. 387–394.

4. Хотко С.Х. Черкесы и Черкесия в «Истории государства Российского» Николая Карамзина по материалам исследования Э.А. Шеуджен «Н.М. Карамзин о народах Северного Кавказа: контур исследовательских проблем». – Майкоп: Изд-во АГУ, 2013. 74 с. // Вопросы теории и методологии истории. Выпуск 9. Майкоп: Изд-во АГУ, 2013. С. 99–105.

5. Хотко С.Х. Черкесия на европейских географических картах XVI–XVII вв. // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. Вып. 5 (29). Майкоп: Издат-во АРИГИ, 2014. С. 112–124.

6. Hotko S. Çerkez Memlûkleri: Etno-Kültürel Özellikleri // Yeni Türkiye. 2015. Sayı 80. S. 147–154.

7. Хотко С.Х. Головные уборы черкесских мамлюков // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. Вып. 6 (30). Майкоп: Издат-во АРИГИ, 2015. С. 91–99.

8. Хотко С.Х. Политико-дипломатические и торговые связи Каффы и Черкесии (1266–1475 гг.) // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. Вып. 7 (31). Майкоп: Издат-во АРИГИ, 2015. С. 138–144.

9. Хотко С.Х. Этнонимия Северо-Западного Кавказа в XIII–XV вв. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Вып. 4 (27). Нальчик, 2015. С. 54–60.

10. Хотко С.Х. Черкесия в генуэзско-ордынскую эпоху, XIII–XV вв. // Архивы и общество. № 38. Нальчик, 2016. С. 8–39.

11. Хотко С.Х. Интеграция абазин в политическое пространство Черкесии, XIV–XVII вв. // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. Вып. 8 (32). Майкоп: Издат-во АРИГИ, 2016. С. 191–198.

12. Hotko S. Çerkezler Nasıl Memlûk Çerkezlerine Dönüştü? // Yeni Türkiye. 2016. Sayı 86. S. 121–134.

13. Хотко С.Х. Развитие системы представлений о средневековой истории адыгского этнополитического пространства (Черкесии) в XVIII – начале XX в. // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных

исследований им. Т.М. Керашева. Вып. 10 (34). Майкоп: Издат-во АРИГИ, 2017. С. 129–139.